

© 2011 г. В.Ю. АПРЕСЯН

ОПЫТ КЛАСТЕРНОГО АНАЛИЗА: РУССКИЕ И АНГЛИЙСКИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ*

Данная работа ставит целью систематическое описание межъязыковых сходств и различий в концептуализации эмоций на материале русского и английского языков, причем в каждом кластере анализируется основная масса лингвистических средств, выражающих разные стороны эмоций. Выясняется, что при наличии многочисленных семантических контрастов между отдельными словами в русском и английском языках, а также частом отсутствии безусловного переводного эквивалента, устройство эмоциональных кластеров во многом пересекается (отчасти, по-видимому, в силу наличия единой биологической основы у эмоций в разных культурах), что вносит существенный вклад в их языковую, особенно метафорическую концептуализацию. Эта статья будет продолжена в следующем номере ВЯ.

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Национальная ментальность и язык

В современной этнолингвистике одной из центральных является мысль о том, что различия в языке отражают различия в национальной ментальности и что каждый язык характеризуется своей уникальной «картиной мира». Эта идея, восходящая к работам Гумбольдта и знаменитой гипотезе Сэпира-Уорфа, нашла продолжение в работах Анны Вежбицкой [Wierzbicka 1990; 1991; 1992; 1999], а также Московской семантической школы [Апресян 1995; 2004; 2006]. Интересно, что в последнее время предлагаются также нелингвистические подтверждения верности гипотезы Сэпира-Уорфа; ср. нейрорпсихологические исследования в области цветообозначений, указывающие на лингвоспецифичность цветовосприятия, а именно на то, что наличие в языке названий для тех или иных цветов облегчает носителям языка восприятие этих цветов [Winawer et al. 2007; Tan et al. 2008].

Основная масса современных этнолингвистических работ, в том числе на русском материале, сосредоточена на поиске концептуальных межъязыковых различий и, в част-

* Данная работа написана при финансовой поддержке следующих грантов: гранта Президента РФ на поддержку ведущих научных школ № НШ-3205.2008.6, гранта РГНФ № 06-04-00289а на «Разработку словника и проспекта активного словаря русского языка», гранта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории», гранта РГНФ № 07-04-00-202а «Системообразующие смыслы русского языка», при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также гранта Дэвис-центра (Гарвард) на 2007–2008 гг. Автор выражает свою благодарность Ю.Д. Апресяну, Л.Л. Иомдину и М.В. Гронасу за ценные критические замечания к более ранним версиям этой работы, а также всем тем, кто комментировал данную работу устно, когда разные ее части обсуждались на семинаре Дэвис Центра в Гарвардском университете, семинаре Отделения современных языков в Тринити Колледже, семинаре Отделения русского языка в Дартмутском Колледже, семинаре по теоретической семантике в Институте проблем передачи информации, на конференции Диалог'2008, а также на ЛЛШ-2008 в Дубне. Отдельная благодарность моим информантам по английскому языку – Н. Шнитке, Д. Танненбойму, Э. Хьюитт, Д. Варилеку.

ности, на сравнении «ключевых слов» разных языков (понятие, введенное А. Вежбицкой) – слов, которые являются особенно важными выразителями главных ментальных особенностей носителей того или иного языка (классические примеры А. Вежбицкой – *душа, тоска, судьба*)¹.

В последнее десятилетие список ключевых концептов русского языка сильно расширился – к нему добавились, среди прочих, следующие непередаваемые или не имеющие точных аналогов в других языках языковые единицы: *авось, совесть, жалость, истина, друг, воля, смирение* [Wierzbicka 1997: 55–84; Булыгина, Шмелев 1997: 481–495, Levontina, Zalizniak 2001: 306–309], *маяться, томиться, неприкаянность, собираться, заодно* [Шмелев 2002: 300, 404–410].

Бесспорно, описание подобных этнолингвистических различий помогает прояснить природу межкультурных несоответствий и трудностей в межкультурной коммуникации. Существование глубоких различий в менталитете, обуславливающих несходство в восприятии и поведении, очевидно не только для ученых-антропологов или лингвистов, их влияние распространяется далеко за рамки научных исследований. Так, например, известно, что рекламная индустрия – культурно чувствительная область, которой приходится постоянно сталкиваться с трудностями, возникающими при попытке «освоения» новых территорий. Приведем один пример из реальной жизни, имеющий непосредственное отношение к основной теме нашей статьи – эмоциям. В статье американского журналиста Кэтрин Шульц «Did antidepressants depress Japan?»² обсуждаются проблемы, с которыми столкнулись фармацевтические компании при попытке внедрения лекарств-антидепрессантов на японский фармацевтический рынок из-за отсутствия до последнего времени в японской культурной среде понятия депрессии как психологического состояния, которое требует медикаментозного лечения: «Если бы вы жили в Японии в течение последних пяти лет, вы знали бы, что ваша *kokoro* может простудиться. Ваша *kokoro* – это не часть вашей респираторной системы. Это не член вашей семьи. Отоларинголог не поможет вам ее вылечить. Ваша *kokoro* – это ваша душа, и представление о том, что она может простудиться (*kokoro no kaze*) специально вводилось в Японии фармацевтическими компаниями, чтобы объяснить стране, никогда не обсуждавшей состояние легкой клинической депрессии, что это такое»³.

Мысль о глубоком влиянии культуры на чувства людей афористически выражена в известной книге Дени де Ружмона «Любовь в западном мире»: «“Всё меняется, кроме человеческого сердца”, – говорят древние мудрецы, но они заблуждаются. Говоря метафорически, человеческое сердце удивительно чувствительно к изменениям времени и места»⁴ [Rougemont 1956].

С другой стороны, естественно ожидать, что в силу биологической обусловленности многое в том, как люди разных языков и культур воспринимают действительность, мыслят и чувствуют, будет совпадать или, по крайней мере, в высокой степени пересекаться. Мысль о том, что существуют некоторые универсальные базовые эмоции, лежит в основе многих работ по психологии, психофизиологии и нейропсихологии эмоций [Oatley, Johnson-Laird 1987; LeDoux 1996]. Идея универсальности выражений лица (*facial expressions*) для как минимум шести базовых эмоций – гнева, страха, отвращения, грусти, радости, удивления – при культурной вариативности правил их социальной манифестации (*display rules*) пронизывает работы известного американского физиолога

¹ См. об этом работу [Wierzbicka 1990].

² «New York Times», 22.08.2004.

³ Здесь и далее цитаты в переводе автора статьи.

«If you had lived in Japan for the last five years, you would know by now that your *kokoro* is at risk of coming down with a cold. Your *kokoro* is not part of your respiratory system. It is not a member of your family. Its treatment lies well beyond the bailiwick of your average ear, nose and throat doctor. Your *kokoro* is your soul, and the notion that it can catch cold (*kokoro no kaze*) was introduced to Japan by the pharmaceutical industry to explain mild depression to a country that almost never discussed it».

⁴ «“Everything changes except the human heart”, say the old sages, but they are wrong. Metaphorically speaking, human heart is strangely sensitive to variations in time and place».

Пола Экмана [Ekman 1999]. Более того, в основе лингвистических работ Анны Вежбицкой, при всей их этноспецифичной направленности, лежит очень важная идея об универсальности семантических примитивов – неразложимых и нетолкуемых языковых единиц, а, кроме того, более частная мысль о наличии определенных общих тенденций в концептуализации эмоций разными языками – *emotional universals* [Wierzbicka 1999].

К тому же, из-за все растущего взаимодействия разных культур, взаимопроникновения идей и понятий может происходить размывание четких этнокультурных и этнолингвистических противопоставлений.

В связи с этим типологически ценным может оказаться изучение не только концептуальных различий, но и сходств между языками. В частности, на примере эмоций видно, что при всем типологическом и культурном несхождении между языками существуют определенные общие тенденции, носящие отчасти биологический, отчасти концептуальный и культурный, отчасти чисто языковой, семантический характер. Таким образом, нашей целью в данной работе является построение семантической типологии эмоций, принимающей в расчет как сходства, так и различия между языками. Работа выполнена на материале эмоциональных концептов в русском и английском языках. Поскольку эти языки и типологически, и культурно не являются далекими, полученная в результате нашего исследования типология ни в коей мере не претендует на полноту. Однако она может рассматриваться как начало более общей работы по созданию семантической типологии эмоций, в ходе которой полученные нами результаты могут дополняться и корректироваться.

Работа выполнена в русле интегрального подхода к описанию языка [Апресян 1995]. Наряду с использованием ставших классическими подходов к описанию эмоций в языке – прототипического подхода Л. Иорданской и А. Вежбицкой [Иорданская 1971; 1984; Wierzbicka 1990; 1991; 1992; 1999], принятого и развитого Московской семантической школой [Апресян 1995; Апресян и др. 2004], а также метафорического подхода Дж. Лакова и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980] и З. Кевечеса [Kövesces 1990; 2000], положивших начало когнитивистской школе, данная работа предлагает нечто новое.

Межязыковое сравнение осуществляется не на основе сравнения отдельных слов (например, слов *обижаться* и *to be hurt*), а семантических полей. Это представляется необходимым для получения более цельной и сбалансированной картины концептуализации различных эмоций. Проиллюстрируем эту мысль. Например, если мы сравним английское слово *anger* с русскими *сердиться* и *злиться* в изоляции, не рассматривая другие слова со значением ‘гнева’, мы сделаем вывод о том, что английская и русская концептуализации гнева радикальным образом различаются. Дело в том, что английское слово *anger* описывает очень широкий круг ситуаций и чувств, а в русском языке аналогичное слово с широким значением отсутствует, что требует самых разных переводных эквивалентов в зависимости от контекста; ср.:

- (1) *the professor's anger at the student who cheated on a test*
букв. ‘гнев профессора на студента, который списал на контрольной’
‘Профессор **рассердился** на студента’;
- (2) *the country's anger at the raise of taxes*
букв. ‘гнев страны на повышение налогов’
‘**недовольство** граждан повышением налогов или **негодование** граждан по поводу повышения налогов’;
- (3) *the country's anger at a foreign invasion*
букв. ‘гнев страны на иностранное вторжение’
‘народный **гнев**, народная **ярость**’;
- (4) *The dog's anger was apparent*
букв. ‘гнев собаки был заметен’
‘Собака явно **злилась**’.

Однако если «центры» поля ‘гнев’ в русском и английском языках действительно сильно различаются (точнее, в русском ‘гневе’ центральное общее слово отсутствует как таковое), то на периферии обнаруживается намного больше параллелей. Так, в обо-

их языках выделяются в качестве отдельных эмоций, среди многих других, следующие «подтипы» 'гнева':

- сильный, неконтролируемый 'гнев' (см. также ниже) – *ярость, бешенство, fury, rage*;
- поверхностный и, возможно, вызванный особенностями характера экспериенсера 'гнев' – *раздражение, irritation*;
- 'гнев', вызванный недостижением поставленной цели (и, возможно, не имеющий конкретного объекта), – *docada, frustration*.

Таким образом, если мы рассматриваем и сравниваем все поле 'гнева' в целом и видим всю систему, а не отдельные ее части, то (хотя этого, возможно, и нельзя ожидать на примере каждой пары языков) обнаруживается гораздо больше системных сходств, чем при сравнении отдельных слов.

Сравнение целых систем, а не отдельных их элементов позволяет, как кажется, избежать и еще одной опасности: абсолютизации индивидуальных лингвистических особенностей отдельных слов в качестве показателей различий в менталитетах носителей разных языков. Безусловно, межкультурные различия могут быть очень глубокими, и язык в какой-то степени их отражает, однако объективность языка как «зеркала» ментальности неочевидна, особенно если опираться в качестве критерия на неперево-димость того или иного слова. Дело в том, что полная переводимость – чрезвычайно редкое явление, и из отсутствия точных эквивалентов невозможно делать вывод о глобальных различиях в менталитетах и эмоциях.

Возвращаясь к семантическому полю 'гнева', рассмотрим пример из работы А. Вежбицкой [Wierzbicka 1999: 32], где речь идет о чувстве *angry* ('сердитый, в гневе') у умирающего человека: *Dying people may feel angry... Some people feel angry at God for allowing them to get sick, at their doctors for not being able to find a cure, at the government for putting money into weapons instead of medical research, or at the world in general*⁵ (Callanan and Kelley 1993: 44, цит. по [Wierzbicka 1999: 32]).

Автор утверждает, что невозможность точного перевода этой фразы на польский язык из-за отсутствия переводных эквивалентов (соответствующие польские прилагательные *zły* и *gniewny* имеют «лишние» семантические оттенки – первый из них отрицательно окрашен, второй указывает на более высокий социальный статус экспериенсера) свидетельствует о принципиальной разнице в том, что чувствуют носители английского и польского языков в описываемой ситуации. «Исследуя значение и употребление таких слов как *anger* и *angry* в современном английском языке, мы можем многое узнать об “эмоциональном мире” носителей современного английского <...> Они [эти слова] отражают “сердечные привычки” общества»⁶ [Wierzbicka 1999: 33]. Сделанный из сказанного вывод о том, что чувство, которое испытывал бы в подобной ситуации носитель английского языка, уникально и что носители разных языков будут испытывать принципиально разные эмоции, кажется все-таки чересчур сильным. Безусловно, жители разных стран могут чувствовать себя в подобной (или всякой иной ситуации) по-разному, но вряд ли можно утверждать, что это определяется в первую очередь языковыми различиями. Скорее, подобные вещи определяются целым комплексом факторов: характером, социальной и культурной средой, страной и окружением, религиозностью или ее отсутствием. Вполне может быть, что носители одного языка будут испытывать разные чувства в подобной ситуации в силу разницы возрастов, темпераментов, ценностей, а носители разных языков – если они окажутся близки по этим параметрам – похожим образом, несмотря на невозможность одинаково вербализовать это чувство.

⁵ Буквальный перевод: «Умирающие могут **сердиться**... Некоторые люди **сердятся** на Бога за то, что Он позволил им заболеть, на врачей за то, что они не смогли их вылечить, на правительство за то, что оно вкладывает деньги в оружие, а не в медицинские исследования, или на мир в целом».

⁶ «By examining the meaning and the use of words like *anger* and *angry* in contemporary English we can indeed learn a great deal about the “emotional universe” of the speakers of contemporary English... They reflect its /society’s/ “habits of the heart”».

Рассмотрим еще один пример «этноспецифичного» чувства. Речь идет о «русском» чувстве *жалости*, которое описывается исследователями как имеющее принципиально иной характер, чем его корреляты в европейских культурах [Федотов 1992; Wierzbicka 1992; Левонтина 2004], в частности, как занимающее более центральное место в русской языковой картине мира, нежели, например, *pity* в английском. Однако даже если согласиться с тем, что в русском языке *жалость* занимает особое место по сравнению с английским *pity*, не вполне понятно, какие из этого можно сделать выводы о ментальных различиях носителей русского и английского языка. О том, что носители русского языка более жалостливы, чем носители английского? Или о том, что для носителей русского языка быть субъектом и объектом *жалости* более приемлемо, чем для носителей английского языка быть субъектом и объектом *pity*? Однако при ближайшем рассмотрении первое утверждение, касающееся эмоций как таковых, не кажется верным, а второе, касающееся связанных с эмоциями правил этики и этикета, требует, как минимум, существенных уточнений. Вообще же утверждение о связи языка и ментальности для своего эмпирического подтверждения потребовало бы масштабных антропологических изысканий и нейропсихологических экспериментов, причем совершенно не очевидно, что такое подтверждение можно было бы действительно обнаружить⁷.

Более того, даже лингвистические данные свидетельствуют о том, что асимметрия между русским и английским представлением об этой эмоции отчасти преувеличена. Существительные *жалость* и *pity* являются достаточно близкими коррелятами, причем оба языка выделяют как «положительную» жалость (в английской психологической терминологии – «benevolent pity»; ср. *tender pity*, *нежная жалость*), так и «отрицательную» жалость (*contemptuous pity*, *презрительная жалость*).

Безусловно, между глаголами *жалеть* и *to pity* существует значительно большая семантическая асимметрия, чем между существительными *жалость* и *pity*. Русский глагол, в отличие от английского, может обозначать не только чувство, но и поведение (*Он ее жалеет, не обижает*), и даже действие, особенно в несобственной форме совершенного вида *пожалеть* (*Ее пожалели и пропустили без очереди*). Кроме того, русский глагол в целом гораздо более положительно окрашен, чем его английский коррелят. Так, русское словосочетание *любит и жалеет* (*Она его бесконечно любит и жалеет*), где глагол *жалеть* употреблен в сочинении с безусловно позитивно окрашенным *любить* (см. о связи *любви* и *жалости* [Wierzbicka 1992: 168]) совершенно естественно, тогда как английское словосочетание *loves and pities* прагматически неадекватно. Поиск по корпусам отражает это распределение: Русский Национальный корпус содержит 21 пример на сочиненное употребление *любить и жалеть*, Британский Национальный корпус – ни одного примера на сочиненное употребление глаголов *love and pity*⁸. Хотя в принципе такое сочетание в английском языке возможно, но его употребление ограничено религиозными контекстами; ср., например, в Псалме 103: *As a father loves and pities his children, so the Lord loves and pities those who fear Him* (103: 6–13)⁹.

⁷ Так, с точки зрения нейропсихологии утверждения о большей важности ‘жалости’ для носителей русского языка могли бы подкрепляться экспериментами, показывающими, что в одной и той же ситуации, при одних и тех же стимулах носитель русского языка испытывает эмоцию ‘жалости’, а носитель языка, с которым производится сравнение, – нет. Антропологические и социологические исследования, подтверждающие идею о русской склонности к ‘жалости’, могли бы быть направлены на доказательство большего присутствия ‘жалости’ в принятых русскоговорящим социумом этике, этикете, узаконенных ритуалах общения, социальных практиках. Насколько нам известно, подобных экспериментов и исследований не проводилось, тем более, что их результаты, скорее всего, разительно отличались бы для разных социальных, возрастных и психологических групп русскоговорящих, поэтому мы воздержимся от каких бы то ни было утверждений ‘за’ или ‘против’ идеи о связи *жалости* в русском языке с ‘жалостью’ в русском социуме.

⁸ Здесь и далее: НКРЯ – Национальный корпус русского языка, BNC – Британский Национальный корпус, COCA – Корпус современного американского языка.

⁹ «Подобно тому, как отец любит и жалеет своих детей, так Господь любит и жалеет боящихся Его» (103: 6–16).

Однако в данном случае эта несостыковка отражает не столько большую важность чувства жалости для носителей русского языка или более положительное восприятие ими этого чувства, сколько общую асимметрию между русскими и английскими глаголами со значением эмоций. Как отмечается в работе [Вежицкая 1996: 38–42], в английском языке глаголы со значением эмоций представляют собой «вымирающую» категорию, их становится все меньше, и они семантически и стилистически ограничены. Эмоции в английском обычно выражаются существительными (так, по данным BNC существительное *pity* встречается в двадцать раз чаще, чем глагол *to pity*) и в особенности прилагательными (по данным BNC, прилагательное *sorry* встречается в 7,6 раз чаще, чем существительное *pity*), а для передачи смысла типа ‘поведение, мотивированное эмоцией’ или ‘действие, мотивированное эмоцией’ используются аналитические конструкции вида *have + имя эмоции, take + имя эмоции* (ср.: *to have pity, to take pity* – ‘пожалеть’). В то же время в русском языке глаголы со значением эмоций являются регулярным явлением (ср.: *жалеть, стыдиться, радоваться, ужасаться*), причем, в отличие от соответствующих им существительных и адвербиалов (*жалость, жалко, стыд, стыдно, радость, радостно, ужас, страшно*), указывают не только на чувство, но и на его внешние проявления. То есть для русских глаголов со значением эмоций указание на некоторые дополнительные аспекты чувства, такие как мотивированное эмоцией поведение и действия, является регулярной семантической особенностью, и в этом смысле глагол *жалеть* и, соответственно, концепт ‘жалость’ нельзя назвать чем-то особенным.

Положительная окраска *жалеть* по сравнению с *to pity* вытекает из того, что русский глагол указывает, помимо чувства, на поведение и действия, мотивированные эмоцией. Если само отношение экспериенсера к объекту эмоции в кластере ‘жалость’ может варьироваться (ср. выше: *презрительная жалость, любовная жалость*), то поведение, вызванное эмоцией, может быть направлено только на благо объекта – *из жалости* или *out of pity* можно делать только что-то хорошее, и такое сострадательное поведение положительно оценивается говорящим (ср. безусловно положительную окраску тех эмоций из кластера ‘жалость’ – *compassion, сострадание, участие*, – которые всегда указывают на то, что экспериенсер пытается так или иначе облегчить положение объекта). Таким образом, поскольку в глагол *жалеть / пожалеть* инкорпорировано указание на доброжелательное поведение, мотивированное эмоцией, он окрашен более положительно, чем глагол *to pity*, в котором такое указание отсутствует.

Интересно, что в некоторых современных антропологических исследованиях в качестве одной из центральных «русских» эмоций предлагается рассматривать вовсе не жалость, а зависть [Рис 2005: 122–125], причем таковой она предстает в самоанализе самих русских информантов, в так называемых «завистливых рассказах» (термин Н. Рис): «“Если кто-то начинает жить лучше, – сказал один информант, – все тут же хотят его убить. Все хотят, чтобы он был таким же бедным, как они <...> Русский человек не может вынести, если кто-то становится богаче его”. <...> Парадоксально, но даже самим порицанием зависти в своих рассказах и анекдотах говорящие укрепляли ее, представляя естественной и сущностной частью русскости» [Рис 2005: 122–123]. При этом какие бы то ни было лингвистические данные на тему особой роли слова *зависть* в русской языковой картине мира отсутствуют, хотя в современном фольклоре – в частности, в жанре анекдота [Там же] – стереотип «русские завистливы» представлен в достаточной мере. Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что отношения между языком и ментальностью далеки от прямолинейности и что невозможно как делать выводы о национальном менталитете на основе исключительно языковых данных, так и ожидать, что все особенности национального менталитета будут четко и однозначно отражены в языке.

Всего в данной работе рассматривается 11 групп (или кластеров) эмоций: ‘страх’, ‘гнев’, ‘отвращение’, ‘грусть’, ‘радость’, ‘стыд’, ‘гордость’, ‘жалость’, ‘обида’, ‘ревность / зависть’, ‘благодарность’¹⁰. Как видно из приведенного списка, в данной работе

¹⁰ Заключенные в марровские кавычки названия эмоций соответствуют не конкретным словам русского языка (*страх, гнев* и т.д.), а являются ярлыками кластеров.

анализируется то, что называется эмоциями в традиционном, биологическом и психологическом смысле этого термина – эмоции рассматриваются как непосредственные реакции на некие стимулы. То, что называется чувствами-отношениями – любовь, ненависть, уважение и пр., – выходит за рамки нашего исследования в данной работе, поскольку и биологически, и психологически, и лингвистически чувства-отношения сильно отличаются от непосредственных эмоциональных реакций. Чувства-отношения могут возникать без внешних стимулов, их длительность существенно превышает длительность эмоций, они в еще большей степени «окультурены» и ритуализованы, чем эмоциональные реакции, что не может не отражаться на их языковой концептуализации. Так, для русского языка можно упомянуть в качестве примера различия в сочетаемостных свойствах существительных со значением чувств-состояний и чувств-отношений (ср.: *иметь доверие, иметь уважение*, но не **иметь восторг, *иметь страх*). Различаются также их аспектуальные свойства – у чувств-состояний часто есть актуально-длительное значение НЕСОВ (*Когда он пришел, она бурно радовалась*), у чувств-отношений его нет (**Когда он пришел, она его уважала*); об аспектуальных свойствах стативов см. [Апресян 2009: 541–542]. Аналогичное различие существует и в английском языке, где стативные эмоциональные предикаты типа *love, hate, respect* не имеют форм Continuous.

Каждый «кластер» задается на основе объединяющего все входящие в него эмоции прототипического сценария. Например, для кластера ‘грусть’ прототипический сценарий выглядит следующим образом: ‘произошло что-то плохое; человек X чувствует что-то плохое из-за этого’. Таким образом, в эту группу попадут и *грусть*, и *печаль*, и *горе*, и *грустно*, и *расстраиваться*, и *огорчаться* и некоторые другие лексические средства, причем все они будут содержать общий семантический компонент, но также и различаться по целому ряду важных признаков¹¹. При этом четкие границы между кластерами отсутствуют – кластеры переходят один в другой, могут также пересекаться. Имеется (особенно в английском) много пограничных слов со значением эмоций, которые входят сразу в два кластера: например, английское *horror* сочетает в себе элементы прототипических сценариев ‘страха’ и ‘отвращения’, *appalled* – это одновременно и ‘страх’, и ‘удивление’. Безусловно, не любые два кластера могут пересекаться – так, нет слов, обозначающих смесь радости и отвращения, жалости и зависти, гнева и благодарности, поскольку эти пары эмоций не могут, по-видимому, вызываться одним и тем же стимулом одновременно.

Деление на кластеры в двух разных языках не обязательно совпадает; так, например, английский кластер ‘обида’ существенно уже, чем его русский аналог, и то, что в русском языке входит в кластер ‘обида’, в английском покрывается лексикой трех разных кластеров: ‘обида’, ‘гнев’, ‘грусть’ (см. также ниже). Таким образом, мы имеем дело с межъязыковым несовпадением лексического «покрытия» концептуального пространства: то, что в одном языке «покрывается» одним словом с более общим значением, в другом может выражаться одним, двумя, тремя различными словами с более специализированными значениями (такова ситуация с русским *обижаться / обидеться* и английскими *to be hurt, to be offended, to have a grudge*, см. также ниже). Похожая ситуация описывается в работе Константа «The emotions of the ancient Greeks» на примере древнегреческих и английских слов со значением эмоций, например, греческого слова *philia*, которое обычно переводится на английский как *love* ‘любовь’ (хотя в каких-то отношениях семантически уже, чем *love*, поскольку не описывает ситуацию эротической любви), однако в некоторых контекстах описывает ситуации, которым соответствует английское слово *friendship* ‘дружба’, когда речь идет о деловых отношениях [Konstant 2006: 4–5].

Итак, в данной работе анализируются не отдельные слова, а целые кластеры, причем лингвистические данные рассматриваются не изолированно, а в контексте всей

¹¹ Многие из признаков, используемых нами для описания эмоций в языке, были сформулированы в работах [Mel’čuk, Wanner 1996; Wierzbicka 1999; Апресян 2004; В. Апресян 2004; Левонтина 2004; Урысон 2004].

языковой системы. В каждом кластере приводится основная масса лингвистических средств, выражающих разные стороны эмоции:

1) во-первых, это весь спектр синонимов и аналогов в разных частях речи, представляющих разные типы и оттенки эмоции (например, для кластера 'страх' – *бояться, пугаться, трусить, страшиться, опасаться, страх, боязнь* и пр. для русского; *to be afraid, to be scared, to fear, fear, dread* и пр. для английского);

2) во-вторых, это весь спектр частеречно разнородных средств, представляющих разные аспекты появления и протекания эмоции – каузацию (*пугать, страшный*), внутреннее эмоциональное состояние (*грустно, страшно*), поведение, мотивированное эмоцией (*ужасаться, жалеть*), физиологические реакции на эмоцию (*побелеть, побагроветь, похолодеть*); поведенческие реакции на эмоцию (*убежать в ужасе, ударить кулаком по столу от досады*). Проанализированный материал дает возможность установить как сходства, так и различия в концептуализации эмоций в русском и английском языках, а также в семантическом устройстве этих полей.

В качестве языкового материала использовались материалы словарей; корпуса текстов (такие как НКРЯ, BNC, COCA)¹², художественная литература и язык СМИ (в первую очередь онлайн-версии различных новостных сайтов на русском и английском языках), а также интуиции русско- и англоговорящих информантов, в том числе двух билингов, в равной степени владеющих обоими языками.

Обнаруживается, что при бесспорном наличии многочисленных семантических контрастов между отдельными словами в русском и английском, а также частом отсутствии безусловного переводного эквивалента, устройство эмоциональных кластеров в целом сильно пересекается.

Например, и русский, и английский языки выделяют следующие подвиды страха:

- общий, нейтральный страх (*бояться, страх, to fear/ to be afraid*);
- кратковременный биологический страх (*пугаться, to be scared, to be frightened*);
- сильный страх перед непосредственно угрожающим, масштабным и неизвестным (*ужас, terror*);
- сильный страх перед неизбежным и отдаленным во времени (*страшиться, to dread*);
- рациональный страх (*опасаться, to be apprehensive*);
- благоговейный страх перед высшими силами (*тронуться, to be awed*);
- неэтичное поведение при страхе (*трусить, трус, coward*) и некоторые другие.

При том, что все подвиды 'страха' объединяет некоторый общий прототипический сценарий, а именно: 'X думает, что может произойти что-то плохое: X не хочет этого', каждый из подвидов характеризуется какими-то дополнительными семантическими компонентами: *ужас* и *terror* указанием на близость опасности и ее масштаб, *опасаться* и *to be apprehensive* указанием на осторожное поведение, дистанцирование от опасного объекта, *трус* и *coward* указанием на отрицательную оценку субъекта эмоции и его поведения говорящим и т. п. При этом границы подвидов эмоций не обязательно совпадают с лексическими: так, *to be scared* может выражать и кратковременный «биологический» страх (*I got scared*), и нейтральный страх-отношение (*I'm scared of dogs*). Могут отсутствовать частеречные соответствия между двумя языками – так, в русском существует и глагол, и существительное со значением неэтичного поведения при страхе (*трусить, трус*), в то время как в английском есть соответствующее существительное *coward*, но глагол *to get cold feet* не является точным эквивалентом *трусить*, так как отрицательная оценка в нем выражена гораздо слабее. Соответствующий смысл передается в английском языке разговорно-сниженными и сленговыми выражениями *to chicken out, to poop out, to crap out*.

¹² Большая часть языковых примеров представляет собой адаптации предложений, встретившихся в реальных текстах в корпусах, с очень небольшой долей сконструированных примеров.

Суммируя сказанное, повторим, что сравнение не отдельных слов, а целых полей позволяет составить более объективное представление о языковой концептуализации каких-то явлений, в том числе эмоций, и избежать отождествления отсутствия и наличия в языке каких-то слов (в частности, точных переводных эквивалентов словам другого языка) с неременным отсутствием и наличием каких-то ментальных, когнитивных и эмоциональных особенностей у носителей этого языка.

1.2. Сознание и язык

Еще один важный вопрос, который возникает в связи с лингвистической концептуализацией эмоций (и не только их), – это вопрос о соотношении языка и сознания. В отличие от национального менталитета, под которым понимается некая совокупность особенностей восприятия, систем ценностей, стереотипов, точек зрения, обычаев, принятых в каком-то социуме в целом, сознание – это способность человеческого мозга определенным образом воспринимать окружающий мир и самого себя, свойственная людям как биологическому виду и поэтому гораздо более универсальная. Помимо уровня сознания, есть и более глубокий и более универсальный – биологический – уровень психических процессов. Так, в разных культурах эмоция ‘страх’ может концептуализироваться самыми разными способами, однако нейробиологические механизмы ‘страха’, в частности, его «локализация» в определенном отделе головного мозга – в первую очередь миндалевидном теле – межкультурно универсальны.

Если связи между национальным, культурным менталитетом и языком хотя и не абсолютно однозначны, но все-таки в высокой степени предсказуемы, то связи между реально происходящими в мозгу процессами и языком далеко не так прозрачны и очевидны. С одной стороны, представляется, что люди должны осознавать и, соответственно, фиксировать в языке то, что они воспринимают и чувствуют; с другой стороны, далеко не все процессы, происходящие в мозгу, адекватно фиксируются сознанием, и даже если фиксируются, не всегда находят языковое выражение. Ниже рассматриваются примеры параллелизма и различий между «научными», нейробиологическими механизмами эмоций и их языковой концептуализацией, а в следующем разделе анализируются связи между языком и когнитивными процессами на примере других феноменов.

1.2.1. Восприятие пространства сознанием и языком

Интересный пример асимметричности связи между языком и сознанием представляет собой концептуализация пространства, где заметны как определенные сходства, так и различия между нейропсихологическими и лингвистическими данными. Об устройстве пространственного восприятия мозгом нейропсихологи судят, в частности, на основе изучения феномена пространственного игнорирования (англ. *spatial neglect*) – нарушения способности к пространственному восприятию из-за поражения определенных мозговых зон. Игнорирование может иметь самые разные проявления, и их систематический анализ обнаруживает определенные общие тенденции в том, как люди с ненарушенными мозговыми функциями концептуализируют пространство.

Согласно данным [Halligan, Marshall 1991], наше сознание проводит различие между ближним и дальним пространством, так как их восприятие может избирательно нарушаться при травмировании разных зон мозга. Так, некоторые пациенты нормально воспринимают объекты, находящиеся рядом с ними, и не воспринимают объекты, находящиеся на расстоянии большем, чем вытянутая рука, в то время как у других обнаруживается противоположный эффект: они воспринимают только дальнее пространство, но не ближнее.

В языке присутствуют схожие градации: дейктические слова, являющиеся в большой степени языковой универсалией, выражают различия между ближним пространством (*тут, здесь, этот, here, this*) и дальним (*там, тот, there*); на более ранних стадиях развития русского и английского языков система была более сложной, в ней

выделялось еще и очень дальнее пространство (*on, yon, yonder* – ‘вон тот’). Существуют, помимо дейктических слов, и другие лексико-грамматические способы маркировать пространственно близкое и далекое.

Еще одно противопоставление, релевантное с нейропсихологической точки зрения, – между личным пространством и внешним пространством, выражающееся в том, что человек перестает воспринимать либо собственное тело (например, не знает, в каком положении находятся его конечности), либо все, что находится за пределами его тела [Guariglia, Antonucci 1992; Cocchini et al. 2001] – отчасти находит соответствие в системе личных местоимений, хотя вообще лингвистические функции этой системы намного шире, чем выражение пространственных отношений.

Интересно соответствие между различными типами пространственной ориентации, выделяемыми в нейропсихологии и в лингвистике. В нейропсихологии выделяется относительная и абсолютная ориентация [Robertson 2004]. Так, игнорирование может распространяться на какую-то часть пространства, когда человек зрительно не воспринимает объекты, расположенные в левой или правой части зрительного поля (пространственная ориентация), или на какую-то часть объекта, когда человек зрительно не воспринимает левую или правую часть объектов, в какой бы части зрительного поля они ни находились (объектная ориентация); восприятие может зависеть от позиции наблюдателя относительно объекта (относительная ориентация), а может не зависеть (абсолютная ориентация).

Язык также маркирует различие между относительной и абсолютной ориентацией: ср. пары наречий типа *далеко* (абсолютная ориентация, маркируется расстояние между объектами) и *вдали* (расстояние до объекта отсчитывается относительно позиции наблюдателя), а также фасадные vs. нефасадные существительные [Апресян 1995: 40–42], которые в сочетании с пространственными предлогами указывают, соответственно, на абсолютную и относительную ориентацию объектов в пространстве относительно наблюдателя (*за телевизором* – фасадное существительное, абсолютная ориентация, *за деревом* – нефасадное существительное, относительная ориентация).

1.2.2. Синестезия в жизни и в языке

Еще один интересный пример не вполне симметричных отношений между сознанием и языком можно наблюдать в феномене синестезии. Клиническая синестезия – это неврологический феномен, при котором стимуляция одной сенсорной модальности ведет к произвольной активации другой сенсорной модальности. Например, в наиболее частотном случае синестезии «графема-цвет» человек воспринимает определенные графические символы, чаще всего буквы, как окрашенные в различные цвета, причем за каждой буквой «закреплен» свой цвет. Как окрашенные могут восприниматься и звуки – при синестезии типа «звук-цвет». Практически любые две сенсорные модальности могут оказываться связанными; например, при достаточно редком случае синестезии типа «слово-вкус» определенные слова и звуки вызывают у человека вкусовые ощущения.

В языке есть некий аналог этому феномену, а именно синестетическая метафора, при которой языковые средства, описывающие одну сенсорную модальность, используются для описания другой сенсорной модальности: например, *сладкие звуки* (звук выражается через вкус), *кричащий цвет* (цвет выражается через звук).

В работе [Ramachandran, Hubbard 2001] высказывается мысль о существовании своего рода параллелизма между механизмами, задействованными при клинической синестезии, и языковыми механизмами формирования синестетической метафоры: «Можно рассматривать метафоры как кросс-активацию концептуальных сетей, аналогичную кросс-активации перцептивных сетей при синестезии»¹³ и далее: «Если это предполо-

¹³ «We can think of metaphors as involving cross-activation of conceptual maps in a manner analogous to cross-activation of perceptual maps in synaesthesia» [Ramachandran, Hubbard 2001: 17].

жение правильно, оно объясняет, почему синестезия чаще встречается у художников и поэтов»¹⁴.

Однако анализ языковых данных показывает, что полного параллелизма между этими механизмами не существует, по крайней мере в том, что касается типов связей, возникающих между разными модальностями. Если бы механизм кросс-активации концептуальных сетей был бы полностью аналогичен механизму кросс-активации перцептивных сетей, мы могли бы ожидать метафорических переносов вида *красный звук*, *вкусная буква* в соответствии с типами «графема-цвет», «звук-вкус» в клинической синестезии. Однако регулярной языковой метафоры подобного рода не наблюдается. Во многих работах отмечается, что для языковой сенсорной метафоры характерен перенос «снизу вверх», то есть описание объектов более высоких сенсорных модальностей через характеристики объектов более низких сенсорных модальностей (от осязания, вкуса и запаха к слуху и зрению), но не наоборот (см. [Апресян 1995; Day 1996]). Ср., например: метафоры типа *резкий звук*, *ледяной голос* (перенос осязание → слух), но не **громкая поверхность* (слух → осязание); *сладкий голос* (вкус → слух), но не **тихий вкус* (слух → вкус); *кричащий цвет* (слух → зрение), но не **розовый звук* (зрение → слух); *мягкие очертания* (осязание → зрение), но не **яркий на ощупь* (зрение → осязание). Метафорические выражения, образованные переносом «сверху вниз», либо невозможны, как в примерах выше, либо носят ограниченный, в частности, явно выраженный терминологический или авторский характер; ср.: *яркий <тусклый> звук* в речи музыкантов, авторская метафора *белые звуки* (А. Блок).

Исследователи предлагают различные объяснения этому языковому феномену, в первую очередь эволюционное, – важность для человека слуха и особенно зрения относительно других систем восприятия [Gallup, Cameron 1992; Апресян 1995]. Отмечается [Day 1996], что главным «донором» выражений для сенсорного метафорического переноса является осязание; ср. обилие «осязательных» метафор в модальностях зрения и, даже в еще большей степени, слуха: *мягкий голос*, *бархатистый голос*, *резкий звук*, *теплый цвет*, *холодный цвет*. В работе [Ророва 2005] предлагается следующее объяснение этому явлению: осязание предполагает наиболее непосредственный опыт восприятия, поскольку требует, в отличие от зрения и слуха, непосредственного контакта, при этом, в отличие от вкуса и запаха, этот контакт не ограничен одним воспринимающим органом.

Можно привести также некоторые лингвистические соображения, объясняющие особое положение выражений, характеризующих восприятие при помощи осязания как основной источник для сенсорной метафоры.

Представляется, что по сравнению с другими сенсорными модальностями, осязание отражено в языке наиболее богато и разнообразно. Отметим, что для описания вкуса и запаха в языке существует сравнительно немного выражений; помимо собственно вкусовых характеристик и их вариаций (*сладкий*, *соленый*, *кислый*, *горький*, *терпкий*), их комбинаций (*кисло-сладкий* или англ. *sweet and sour*, а также *bittersweet* ‘горько-сладкий’) и различных производных (*кисловатый*, *с горчинкой*), а также названий вкусов по их прототипическим объектам (*сливочный*, *сырный*, *рыбный вкус*), прочие вкусы в основном описываются при помощи тактильной метафоры (*острый*, *мягкий*, *нежный*, *свежий*, *тонкий*, *легкий*, *вяжущий*, *железный вкус*).

Что касается запаха, то лексическая наполненность этого семантического поля еще ниже – запахи часто описываются через вкус (*сладкий / кислый запах*), то есть практически не имеют собственного лексического выражения, либо через общие характеристики типа ‘хороший / плохой, приятный / неприятный’ (ср.: *воючий*, *благоуханный*, англ. *stinking*, *fragrant*).

Слух характеризуется с точки зрения громкости, высоты и тембра (*громкий / тихий*, *высокий / низкий*, *скрипучий / звонкий / сильный / хриплый*), однако число подобных лекси-

¹⁴ «If this idea is correct then it might explain the higher incidence of synaesthesia in artists and poets» [Ramachandran, Hubbard 2001: 17].

ческих характеристик также невелико. Зрение характеризуется выражениями двух семантических классов: 'цвет' и 'форма', причем количество и тех и других хотя и велико, но все-таки ограничено.

Осязание же описывается практически неограниченным кругом выражений: если выражений, характеризующих температуру объектов, относительно немного (*холодный, теплый, горячий, ледяной, обжигающий* и пр.), то число выражений-характеристик фактуры денотативно разнообразно и лексически очень богато (*жесткий / мягкий / твердый / нежный, острый / колкий / жгучий, бархатный / шелковый, гладкий / шершавый, сухой / мокрый* и т.п.).

Подведем некоторые предварительные итоги: нейробиологические и когнитивные процессы могут иметь языковые корреляты, но могут и не иметь их; налицо некоторый, но далеко не полный параллелизм между тем, что происходит в мозгу, тем, что осознается мозгом, и тем, что находит языковое выражение. Как будет показано ниже, к эмоциям это относится в такой же степени, как и к рассмотренным выше феноменам пространственного восприятия и синестезии.

2. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КЛАСТЕРЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Возвращаясь к собственно лингвистическому аспекту нашего исследования, можно сделать следующее предварительное наблюдение: если взглянуть на устройство эмоциональных кластеров в русском и английском языках, то есть на весь диапазон эмоций внутри каждой группы и на всю систему эмоциональных концептов в целом, можно обнаружить не только утрированные различия, но и не менее интересные параллели в логическом и концептуальном устройстве этих полей.

Во-первых, несмотря на естественную разницу в конкретном языковом выражении, набор эмоциональных концептов в целом в значительной степени пересекается. Если прибегнуть к метафоре, можно сказать, что концептуальные поля эмоций в русском и английском содержат похожие сгустки смыслов, что уже было отчасти проиллюстрировано на примере различных типов 'страха'. Эти межязыковые структурные пересечения эмоциональных кластеров подробно рассматриваются ниже, в разделах, посвященных соответствующим эмоциям.

Во-вторых, несмотря на наличие межязыковых различий в эмоциональной метафоре, существует большая область пересечений. Наибольшая степень универсальности свойственна эмоциональным метафорам, имеющим биологическую основу, в которых метафорический перенос основан на реальной симптоматике: в качестве метафорического обозначения эмоции используется языковое выражение, обозначающее физиологические проявления этой самой эмоции, т. е. межязыковое и межкультурное совпадение метафор вполне естественно. В следующем разделе подробно рассматривается эмоциональная метафора в межязыковом аспекте, а также в своем отношении к биологической реальности.

2.1. Эмоциональная метафора в межязыковом и интердисциплинарном аспекте

Широко известными примерами «биологических» метафор являются СТРАХ – ХОЛОД (ср.: *оцепенеть, похолодеть, застыть, побелеть, to freeze with terror, to get cold feet, to go numb with fear*), ГНЕВ – ЖАР¹⁵ (*вскипеть, горячий 'склонный к вспышкам гнева', вспылчивый, взорваться, to boil with anger, to seethe with anger, to explode*), которые подробно рассматриваются на примере разных языков в работах [Lakoff, Johnson 1980; Апресян, Апресян 1993; Kövecses 2000 и др.]; физиологическая симптоматика

¹⁵ Здесь 'страх' и 'гнев' также используются в метаязыковом смысле, как некие ярлыки для целого куста эмоций, а не как слова русского языка, указывающие на конкретные эмоции *страх* и *гнев*.

страха и гнева анализируется в работах П. Экмана [Ekman 1984], где показано, что для страха, действительно, характерно понижение температуры тела, а для гнева, наоборот – повышение.

Современные изыскания в области нейропсихологии позволяют существенно расширить список имеющих биологическую основу метафор, которые могут претендовать на высокую степень языковой универсальности (необходимо сделать оговорку, что мы не ставим себе целью обзреть в данном разделе все многочисленные существующие исследования по нейропсихологии эмоций, а выборочно упоминаем лишь те, которые имеют самое непосредственное отношение к обсуждаемым нами вопросам). Так, распространенной метафорой для чувства отвращения является метафора ОТВРАЩЕНИЕ – ТОШНОТА; подобно тому как языковые выражения с первичным значением понижения и повышения температуры имеют переносные «эмоциональные» значения ‘страха’ и ‘гнева’, выражения со значением физической тошноты употребляются для обозначения морального ‘отвращения’; ср.: *Меня тошнит от ее претенциозных манер; тошнотворное высокомерие; Her pretentious manners make me sick; nauseating arrogance*. Более того, семантическое слияние физиологии и эмоциональности, ощущений и чувств в случае ‘отвращения’ имеет место даже в гораздо большей степени, чем у ‘страха’, ‘гнева’ и других эмоций: по крайней мере, для русского и английского языков характерно неразделение физического и морального отвращения на отдельные значения – практически все слова этого кластера могут употребляться и для обозначения ощущений, вызванных плохим вкусом, запахом, грязью, отталкивающим видом (физическое отвращение), и для обозначения чувств, вызванных столкновением с подлостью, низостью, предательством и т.п. (моральное отвращение); ср.: *отрапительная грязь <жестокость>; repelling dirt <cruelty>*, а также следующие русские примеры и их английские корреляты:

- (5a) *При виде полуразложившейся еды у него на лице появилась гримаса гадливости;*
- (5б) *At the sight of rotting food a grimace of disgust <distaste, repugnance> appeared on his face;*
- (6a) *Его подлое поведение в этой ситуации вызывает гадливость;*
- (6б) *His behavior in this situation is disgusting <distasteful, repugnant>.*

Эта языковая концептуализация ‘отвращения’ имеет биологическую мотивацию; как утверждается в работе [Calder et al. 2001], ощущение физического отвращения, которое проявляется в реальном чувстве тошноты, и чувство морального отвращения, не сопровождающееся реальной тошнотой, активизируют одни и те же нейронные сети, то есть являются близкими с нейробиологической точки зрения.

Менее очевидны, хотя, по-видимому, также биологически мотивированы языковые метафоры ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ и ОБИДА – БОЛЬ. Обе метафоры присутствуют и в русском, и в английском языках, причем первая из них может претендовать на некоторую степень языковой универсальности. Так, в русском языке отметим греческую кальку (*сострадание*), а также заимствование из греческого (*симпатия*), в английский были заимствованы греческое (*sympathy*) и латинское (*compassion*) слова. Помимо самих «говорящих» названий чувств кластера ‘жалость’, указывающих на связь этого чувства с болью, в английском и, в еще большей степени, в русском языках языковая метафора ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ проявляется в выражениях *щемящая <пронзительная> жалость, piercing pity, больно за кого-л., to feel for somebody*.

Как показывают эксперименты, описанные в работах [Gallese 2001; Singer et al. 2004], у человека, наблюдающего причинение боли другому человеку, также активизируются болевые центры в мозгу, то есть метафора ЖАЛОСТЬ – БОЛЬ биологически мотивирована. Однако полного совпадения нейронного ответа на собственную боль и наблюдаемую боль не происходит – как отмечено в работе [Singer et al. 2004], нейронные сети совпадают лишь частично. Это коррелирует с устройством языковой метафоры; так, только часть языковых единиц, используемых для обозначения боли, приме-

нима для описания жалости; ср. возможность выражений *pronizitel'naya* <щемящая> *жалость* <боль>, *koлющая* <ноющая> *боль*, но не **koлющая* <ноющая> *жалость*. Это свойство метафоры (пересечение, но не полное совпадение концептуальных схем) объясняется в работе [Kövecses 2000].

Метафора ОБИДА – БОЛЬ также представлена в обоих языках, причем в большей степени выражена в английском; ср. выражения: *to be hurt, to be wounded, to be injured* ‘быть обиженным’; *pained expression* ‘обиженное выражение’, а также *боль обиды, чувствовать себя задетым*. Как утверждается в работе [McDonald, Leary 2005], ощущение *social exclusion* (букв. ‘социальная исключенность’), т. е. тесно связанного с обидой чувства отвергнутости сообществом, с которым экспериенсер хотел бы контактировать, активизирует болевые центры в мозгу. Это лишь один из возможных стимулов для эмоции ‘обиды’, однако не исключено, что и в других ситуациях, когда экспериенсер испытывает обиду (например, если близкий ему человек неожиданно ведет себя как чужой), его болевые центры также активизируются.

Еще одним примером параллелизма между нейробиологическим проявлением эмоции и ее языковой концептуализацией может служить чувство страстной любви. В языке это чувство концептуализуется, в том числе, через метафоры опьянения, наркотической зависимости, болезни; ср.: *умирать* <сохнуть, чахнуть> *от страсти*; *сохнуть по кому-л.*; *опьянеть от любви*; *пьянить кого-л.* (вызывать страсть); *присуха* (в фольклоре – заговор или иное средство вызвать у кого-л. любовь-страсть); *не мочь без кого-л. жить*; *to pine away for smb.* ‘чахнуть по кому-л.’, *drunk with passion* ‘опьяненный страстью’; *to be addicted to smb.* ‘находиться в зависимости от кого-л.’ (подобно тому как можно быть *addicted to a narcotic* ‘иметь зависимость от какого-л. наркотика’); *withdrawal from a relationship* ‘разрыв отношений’ vs. *withdrawal syndrome* ‘абстинентный синдром отмены наркотика или алкоголя’.

Для психологов идея о близости эмоциональной и наркотической зависимости не нова – еще в семидесятые годы двадцатого века психологи писали об эмоциональной зависимости как о «межличностном героине»: «У людей может развиваться привыкание к другим людям точно так же, как они привыкают к наркотикам. Мы используем термин “привыкание” не в метафорическом смысле. Межличностная зависимость в тех случаях, которые представлены ниже, не похожа на наркоманию. Она является наркоманией»¹⁶. [Peele, Brodsky 1974: 22]. Термин «love addiction» – «любовная зависимость», «аддиктивная любовь» – давно вошел в принятый психологический язык (см. словарь терминов, предлагаемый в онлайн-версии американского психологического журнала «Psychology today»).

Недавние нейропсихологические исследования подтвердили, что любовь-страсть нейробиологически близка другим видам зависимостей – в первую очередь наркотической и алкогольной. Так, в работе [Aron et al. 2005], где описывается эксперимент по изучению начальных стадий того, что авторы называют *romantic love*, делается несколько очень интересных утверждений. Эксперимент, проводившийся при помощи магнитно-резонансного исследования – одного из основных инструментов современной нейропсихологии – показал следующее. То, что называется любовью, влюбленностью, романтической страстью, не имеет с «нейронной» точки зрения ничего общего с сексом: когда испытуемым в ходе эксперимента показывали фотографию объекта их романтических чувств, активации «сексуальных зон» мозга не происходило.

Механизмы «романтической любви» нейробиологически близки тем, которые задействованы в наркотической и алкогольной аддикции, поскольку «Обе эти области являются частью системы подкрепления (наград) в мозгу – допаминовой системы, которая ассоциируется с очень сконцентрированным вниманием, душевным подъемом,

¹⁶ «People can become addicted to other people in the same way they become addicted to drugs. We are not using the term addiction in a metaphorical sense; we mean it literally. The interpersonal dependencies in the cases that follow are not *like* addictions. They *are* addictions».

энергией, жадой, мотивацией»¹⁷ (из интервью с Х. Фишер, одним из авторов процитированной статьи).

Психологически «симптомы» начальных этапов страсти и ощущения, испытываемые при разрыве отношений, также очень напоминают формирование наркотической или алкогольной аддикции и абстинентный синдром (синдром отмены) соответственно: «Любовь в своем начале является наркотическим пристрастием... У нее безусловно присутствуют основные характеристики наркотической зависимости – подобно тому, как это бывает с наркотиками, когда человек в кого-то влюбляется, тот человек нужен ему все больше и больше <...>. Есть и другие совпадения – настоящая зависимость, изменения в личности, синдром отмены»¹⁸ (из интервью с Х. Фишер).

Можно рискнуть и выдвинуть мысль о том, что эмоциональная метафора представляет собой очень интересный «полигон» или отправную точку для изучения нейробиологии эмоций: если для шести «биологических» эмоциональных метафор (то есть таких, где в качестве источника метафоры используются выражения со значением физических ощущений) нашлось реальное нейробиологическое подтверждение, то возможно, что оно найдется и для некоторых других, то есть языковая метафора может в каком-то смысле задавать направление нейропсихологического исследования. Не исключено, что такое исследование покажет, что выражения типа *душевная боль* или *горечь разочарования* на самом деле не метафоричны, а отражают процессы, реально происходящие в мозгу.

2.2. Асимметрия между эмоциями в мозгу и эмоциями в языке

В предыдущем разделе приводились примеры параллелизма между процессами, реально происходящими в мозгу человека, когда он испытывает различные эмоции, и их языковой концептуализацией. В данном разделе будут рассмотрены примеры асимметрии между эмоциями «в жизни» и в мозгу, с одной стороны, и их осознанием и языковым выражением, с другой.

Существование такой асимметрии неудивительно; мы осознаем и, соответственно, вербализуем не все, что происходит в мозгу, и не всегда так, как это в реальности происходит, поскольку на наше восприятие оказывают влияние многочисленные субъективные факторы – характер воспринимающего, его ожидания, отношение, самочувствие, ситуация и пр. Как пишет нейropsychолог Леду в своей книге «Emotional brain», «внутренняя работа сознания, включая наше собственное понимание того, почему мы действуем тем образом, а не иным, не обязательно известна сознательному “я” человека»¹⁹ [LeDoux 1996: 32].

В языке, по крайней мере, в европейских языках, принято говорить о положительных и отрицательных, приятных и неприятных эмоциях. Так, лингвистические описания эмоций [Иорданская 1971; 1984; Wierzbicka 1999; Апресян 1995; 2004] и многие другие исследования опираются на то, что экспериенсер чувствует нечто «хорошее» (в случае положительных эмоций типа радости, гордости) или нечто «плохое» (в случае страха, гнева, стыда). Однако в мозгу нет специальной зоны, «обслуживающей» все приятные эмоции и отличной от нее специальной локализации для всех неприятных эмоций. Как пишет Леду [LeDoux 1996: 16], в мозгу вообще нет какой-то единой специализированной эмоциональной системы: «Нет такой вещи как “способность испытывать эмоции” и нет одной единой мозговой системы, приспособленной для этой

¹⁷ «Both of these areas are part of the reward system in the brain – the dopaminergic system associated with very focused attention, elation, craving».

¹⁸ «It /early love/ is a drug addiction... It's certainly got some of the main characteristics of drug addiction – as with drugs, once you fall in love you need that person more and more <...>. There are other things, too – real dependence, personality changes, withdrawal symptoms».

¹⁹ «The inner workings of important aspects of the mind, including our own understanding of why we do what we do, are not necessarily knowable to the conscious self».

несуществующей функции»²⁰. Как показывают многочисленные нейробиологические исследования, разные эмоции по-разному локализованы в мозгу, они домен-специфичны; так, страх в первую очередь локализуется в амигдале [Calder et al. 2001], что подтверждается избирательным нарушением способности распознавать страх, но не другие эмоции при амигдалных повреждениях; отвращение локализовано в инсule [Phillips et al. 1997; Sprengelmeyer et al. 1996], и при повреждениях этой зоны мозга селективно нарушается способность распознавать отвращение; нарушение способности распознавать мимические и голосовые характеристики гнева связано, в свою очередь, с повреждениями вентральных областей базальных ганглий [Calder et al. 2001]. Таким образом, категоризация и обобщение, проводимые нашим сознанием и языком, являются только интерпретацией, а не отражением того, что реально имеет место.

Еще одно яркое свидетельство расхождения между реально испытываемым и осознанно вербализуемым – это эмоции-сопереживания. Как показано в работе [Gallese 2001], мозгу свойственно бессознательно «дублировать» наблюдаемые субъектом действия и переживания, благодаря работе так называемых зеркальных нейронов. Зеркальные нейроны активизируются не только в ответ на совершение действия или переживание эмоции самим субъектом, но и в ответ на наблюдаемое субъектом действие или эмоцию. Это свойство мозга лежит в основе эмпатии – способности понимать чужие чувства, «сопереживать». При этом в реальности сопереживаться может что угодно – страх, отвращение, страдание, радость, грусть, стыд.

Однако в языке дело обстоит не так. Человеческое сознание и язык (по крайней мере, европейские языки) «знают» о том, что человеку свойственно сопереживать в первую очередь боли и страданию, ср.: *жалость, сострадание*, англ. *pity, compassion*, фр. *pitié*, нем. *Mitleid, Erbarmen* и пр. Иногда может разделяться радость: ср., например, кальку с греческого *сопироваться* или английское слово *vicarious*, которое используется в выражениях *vicarious joy, vicarious pleasure – радость за кого-то*, чувство, которое человек испытывает, наблюдая чужую радость.

Однако в языке нет *со-страха, со-отвращения, со-стыда* или же *co-fear, co-disgust, co-shame*; выражение *стыдно за кого-л.* или *ashamed for smb.* описывает не то чувство, которое человек испытывает, глядя на стыд другого, а то чувство, которое он испытывает, когда кто-то другой, кого он осознает как часть своей личной сферы, сделал что-то плохое. Слово *согрустие*, предложенное в «Проективном лексиконе русского языка»²¹, носит отчетливо неологический характер. Английское слово *sympathy*, этимологически восходящее к греческому ‘переживание вместе с кем-то’, в современном языке приобретает значение ‘сочувствие’, которое, в своем эмоциональном значении, как и русские кальки с греческого *сочувствие* и *сопереживание*, относится в первую очередь к переживанию чужого страдания, но не к другим эмоциям (и обычно не указывает на совместное переживание радости, страха, отвращения, стыда). То же верно по отношению к английскому выражению *fellow feeling*, которое относится к разделенному страданию или, реже, радости, но не к совместному переживанию страха, отвращения, гнева и пр. Итак, в то время как нейробиологический механизм позволяет человеку «дублировать» любые эмоции, которые он наблюдает, осознает и вербализует он лишь малую их часть. Возможно, страдание занимает первое место среди разделяемых эмоций в силу того, что может требовать активного вмешательства экспериенсера в ситуацию, попытку улучшить положение, в котором находится объект эмоции.

Таким образом, с одной стороны, сознание и язык не фиксируют многих происходящих в мозгу процессов. С другой стороны, один и тот же с нейробиологической точки зрения процесс может осознаваться и вербализоваться по-разному. Так, нейробиологическими методами, по крайней мере, на данном этапе развития науки, невоз-

²⁰ «There is no such thing as “the emotion faculty” and there is no single brain system dedicated to this phantom function».

²¹ Сайт «Сетевой проект филолога, философа, культуролога Михаила Эпштейна “Дар слова”» (Проективный лексикон Михаила Эпштейна, <http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html>).

можно определить разницу между такими эмоциональными состояниями как, например, *радость* и *злорадство*, *сердиться* и *злиться*, поскольку они различаются в первую очередь не стимулом, не характером переживания, не интенсивностью, а отношением говорящего к эмоции и к переживающему ее экспериенсеру (первая эмоция в каждой паре оценивается нейтрально, вторая – отрицательно). В то же время с языковой точки зрения эта разница очевидна.

В иных случаях имеет место достаточная нейробиологическая детализированность при отсутствии соответствующей языковой. Так, в работе [Öhman et al. 2001] описываются эксперименты, показывающие существование двух эволюционно важных типов страха – боязни змей и боязни пауков. Интересно, что в этих экспериментах стимул был представлен подсознательно, то есть участники экспериментов даже не осознавали, что видят змей или же пауков, однако обнаруживали физиологическую реакцию страха.

Нейробиологически это означает, что эти два вида страха «обслуживаются» специальными «быстрыми» нейронными сетями, так что сигнал с сетчатки поступает в амигдалу (локализация страха) по подкорковым путям, не «заходя» в визуальный кортекс – то место коры головного мозга, где происходит обработка визуальной информации и ее осознание. Это представляет смысл с эволюционной точки зрения, так как на опасность надо реагировать как можно быстрее, а быстрый подкорковый путь дает такую возможность.

Однако в языке, по крайней мере в современных европейских языках, нет специальных слов для названия этих двух конкретных типов страха, хотя вообще лексика страха разработана очень детально (см. выше и ниже о страхе перед высшим существом, о незтичном страхе и т. п.), по-видимому, потому, что для современного человека этот эволюционный механизм очень маргинален. Психологические термины *арахнофобия* (боязнь пауков) и *офидиофобия* (боязнь змей) описывают две из многочисленных фобий, известных медицине, однако не входят в основной лексический массив, отражающий языковую картину мира обычных носителей языка.

Еще одно различие – не между эмоциями в мозгу и эмоциями в языке, а скорее между методами экспериментальной нейропсихологии и логикой развития языка, заметно на примере того, что можно назвать «смешанными» эмоциями. Так, в языке есть множество слов, обозначающих не какую-то одну базовую эмоцию в чистом виде, а смесь эмоций; так, английское слово *horror* указывает и на страх, и на отвращение, а также содержит элемент удивления, шока; *appalled* – это и удивление, и ужас, а *marvel* – удивление и восхищение.

Очевидно, что сложные комбинации эмоций, описываемые подобными словами, вызываются сложными и специфическими стимулами, которые, по крайней мере при нынешнем состоянии экспериментальной нейропсихологии, невозможно надежно воспроизвести в лабораторных условиях; поэтому круг эмоций, которыми занимаются нейропсихологи, сводится к тому, что называют базовыми эмоциями – это эволюционно значимые эмоции с ярко выраженными физиологическими и поведенческими проявлениями, в число которых обычно включают страх, гнев, отвращение, радость, грусть, а иногда также стыд и удивление.

Изучение выражений со значением смешанных эмоций может быть интересно с нейропсихологической точки зрения, так как они служат косвенным свидетельством того, какие эмоции могут одновременно вызываться одним и тем же стимулом, а какие не могут. Так, бывает *нежная жалость* и *презрительная жалость*, *грустная радость* и *удивленная радость*, можно испытывать одновременно *стыд* и *гнев*, *жалость* и *отвращение*, но не бывает **нежного ужаса*, **радости*, *смешанной с отвращением*, **грустной злобы*.

Завершая вводную часть, повторим, что между процессами, происходящими в мозгу, с одной стороны, и их осознанием и вербализацией, с другой, существуют поразительные корреляции и не менее интересные несостыковки; изучение и того и другого может представлять интерес как для лингвистов, так и для нейропсихологов.

2.3. Общие тенденции в устройстве семантических кластеров

В ходе нашего собственно лингвистического исследования выяснилось, что в характере семантических отношений между различными языковыми единицами внутри русских и английских эмоциональных кластеров есть много общего. Это объясняется отчасти чисто семантическими, языковыми, а отчасти более широкими, когнитивными причинами.

Можно выделить следующие общие тенденции в устройстве русских и английских эмоциональных кластеров.

Во-первых, в обоих языках количество «негативных» кластеров существенно превышает количество «позитивных»; ср.: ‘страх’, ‘гнев’, ‘грусть’, ‘отвращение’, ‘стыд’, ‘жалость’, ‘зависть’, ‘ревность’, ‘обида’ (отрицательные) vs. ‘радость’, ‘гордость’, ‘благодарность’, ‘восхищение’ (положительные).

Возможно, это отражает общечеловеческое когнитивное устройство – нечто плохое, отклоняющееся от нормы, регистрируется сознанием лучше, чем хорошее или соответствующее норме или ожиданиям. С эволюционной точки зрения отрицательные эмоции или, точнее, эмоциональные и поведенческие реакции на отрицательные или опасные стимулы тоже, по-видимому, более востребованы, чем реакции на положительные стимулы, которые не угрожают выживанию. Наконец, как известно, язык также фиксирует негативное и отклоняющееся от нормы в гораздо большей степени, чем позитивное и соответствующее норме.

Во-вторых, в каждом кластере наблюдается определенная градация эмоций, в первую очередь по интенсивности.

Обычно выделяется нейтральное выражение для обозначения естественной степени эмоции, адекватной стимулу, лишнее как отрицательной, так и положительной оценки говорящего: *страх* и *fear*, *отвращение* и *disgust*, *стыд* и *shame*, *радость* и *joy*, *грусть* и *sadness*, *гордость* и *pride*, *жалость* и *pity*. Часто (хотя и не обязательно) слова, выражающие эту нейтральную степень эмоции, являются и наиболее частотными; например, английское *sad* ‘грустный’ в два раза превышает по частотности *grief* ‘горе’, в два с половиной – *depressed* ‘подавленный, в депрессии’, более чем в шесть раз – *sorrow* ‘печаль’ (данные СОСА).

Чрезмерная степень эмоции, не адекватная стимулу, поведение, вызванное чрезмерно сильной эмоцией, а также чрезмерная предрасположенность к какой-то эмоции, даже положительной, обычно маркируются негативно; ср.: *трусость* и *cowardice* (поведение, вызванное неспособностью справиться со страхом), *зжатый* и *uptight* (поведение, вызванное чрезмерной стеснительностью), *вспыльчивый* и *quick-tempered* (склонный слишком быстро приходиться в состояние гнева), *восторженный* и *euphoric* (чрезмерно или беспричинно радостный), *жалостливый*²² и *bleeding-heart* (чрезмерно сердобольный). Кроме того, в некоторых кластерах содержатся терминологические выражения, обозначающие не только чрезмерную, но и болезненную степень эмоции – клинические состояния, характеризующиеся затянувшимся и немотивированным эмоциональным состоянием: *фобия*, *боязнь* (*боязнь воды*, *боязнь сцены*), *phobia*, *fright*; *депрессия*, *depression*; *aversion* (*aversion to food* – нездоровое отвращение к еде).

Поскольку некоторые эмоции являются социально легитимной реакцией в определенных обстоятельствах, то их отсутствие или недостаточная степень проявления оцениваются как отклонение от социальных или этических норм и обозначаются отдельными негативно окрашенными языковыми выражениями; ср.: *безжалостный* и *pitiless*, *бесстыжий*, *бесстыдный* и *shameless*, *неблагодарный* и *ingrateful*. Интересно, что страх в определенных обстоятельствах тоже воспринимается как нормальная реакция на опасность, а его отсутствие как отклонение от нормы; ср.: *бесстрашный*. Однако

²² Ср. пример: *Бизнес попрошаек в столице процветает, его подпитывают жалостливые пассажиры метро* (<http://www.gazeta.lv/story/15574.html>), где свойство *жалостливый* явно оценивается слегка неодобрительно.

поскольку эта норма скорее биологическая, чем социальная или этическая, то и оценивается такое качество положительно, как преодоление некоей слабости.

Обнаруженная трихотомия напоминает систему, предложенную Аристотелем в «Никомаховой этике», где среднюю степень страсти предлагается считать нормой и оценивать позитивно, а ее недостаток или избыток – в равной мере негативно оцениваемым отклонением от нормы. Отличие состоит в том, что Аристотель распространяет эту систему на все эмоции, или страсти, в то время как тот языковой материал, который анализируется в данной работе, указывает на то, что это верно лишь для некоторых эмоций. Действительно, есть эмоции, для которых в той или иной мере представлен весь спектр возможностей, например, стыд: *совестливый* (такой, которому стыдно, совестно совершать плохие поступки – положительная оценка) и *стыдливый* (такой, которому стыдно нарушать принятые социальные нормы этикета – нейтральное слово), *бесстыжий*, *бессовестный* (такой, которому не стыдно совершать плохие поступки – отрицательная оценка), *застенчивый*, *стеснительный*, *скованный* (тот, у которого чрезмерно развито чувство социального стыда – нейтральные или слабо отрицательные выражения).

Однако для большинства эмоций картина несколько иная. Как было сказано выше, отсутствие страха является положительной, а вовсе не отрицательной характеристикой (*бесстрашный*); отсутствие гнева вообще не маркируется специально (аристотелевское *безгневный* кажется добавленным для симметрии конструктом, по крайней мере, для русского и английского языков) и если и имеет какие-то несобственные средства выражения (*невозмутимый*, *добродушный*), то также оценивается положительно, а не отрицательно.

Следующее общее свойство устройства системы эмоций в русском и английском языках состоит в том, что социально ожидаемые или просто желательные эмоции можно каузировать сознательно; ср.: *веселить* и *to cheer up*, *стыдить* и *to shame*, *разжалобить* и *to move*.

Нежелательные эмоции обычно возникают как реакция на непреднамеренные стимулы: *вызывать отвращение* и *to disgust*, *печалить* и *to sadden*, *сердить* и *to anger*, *раздражать* и *to irritate*; ср. невозможность **Перестань вызывать у меня отвращение*, ²⁹*Не печаль меня*. Идея непреднамеренной каузации также передается в обоих языках прилагательными типа *противный* и *disgusting*, *печальный* и *sad*, *страшный* и *creery*, *scary* и т.п.

Эмоции, каузируемые объектом, могут, как правило, быть направлены и на самого экспериенсера, однако только в том случае, если они не являются сильными и неконтролируемыми, а также не предполагают поведенческих реакций. Ср. возможность в русском и английском выражений: *жалость к себе* <*self-pity*>, *презрение к себе* <*self-contempt*>, *отвращение к себе* <*self-disgust*>, *сердиться на себя* <*be angry at oneself*>, при невозможности **ярость на себя* <**rage at oneself*>, **сострадание к себе* <**compassion for oneself*>, **обижаться на себя* <**be offended by oneself*>, **гадливость к себе* <**being creeped by oneself*>.

Сильные эмоции могут проявляться (см. также [Mel'čuk, Wanner 1996]) либо в неконтролируемых биологических, либо в неконтролируемых поведенческих реакциях; ср.: *трястись от страха* <*to shake with fear*>, *задыхаться от бешенства* <*to choke with rage*>, *тяжело дышать от гнева* <*to gasp with anger*>, *тошнить от отвращения* <*to be sick with disgust*>, *плакать от горя* <*to cry with grief*>, *смеяться от радости* <*to laugh with joy*> (биологические реакции) vs. *в ужасе убежать* <*to flee in terror/panic*>, *в гневе ударить* <*to strike in rage*> (поведенческие реакции). Эмоции средней силы не вызывают подобных реакций; ср. невозможность **убежать в опасности* и **to flee in apprehension*, **ударить в досаде* и **to hit in annoyance*.

Эмоции, которые не лишают экспериенсера способности рационально оценивать происходящее, такие как *сострадание*, *благодарность*, *зависть* (*compassion*, *gratitude*, *envy*), могут сопровождаться контролируемыми поведенческими реакциями; ср.: *помочь кому-л. из жалости* и *to help smb. out of compassion*, *взять кого-л. на работу из*

благодарности и *hire smb. out of gratitude*, *оклеветать кого-л. из зависти* и *badmouth smb. out of envy*. Для иррациональных эмоций контролируемая поведенческая реакция невозможна; ср. неправильность **убежать из паники* и **flee out of panic*, *убить из ярости* и **kill out of fury*.

Наряду с вышеперечисленными параллелями между двумя языками существует и ряд различий, хотя и несколько иных, чем было принято считать. Как нам кажется, эти межъязыковые несоответствия не обязательно отражают фундаментальные различия между эмоциональными мирами русско- и англоговорящих. Представляется, что у этих различий могут быть следующие источники:

– разное лексическое «покрытие» одного и того же концептуального поля – широко распространенный языковой феномен, встречающийся не только в области эмоций²³. Это происходит, когда некая конфигурация значений выражается одним словом в языке X и двумя или более словами в языке Y или же некими семантическими компонентами различных слов – т.е., когда имеет место частичное пересечение смыслов (например, слово *тоска* включает в себя семантические компоненты слов *yearning* ‘томление’, *depression* ‘депрессия’ и *anguish* ‘душевная боль’);

– разные правила языкового поведения: представляется, что в американском английском существует тенденция избегать эксплицитно отрицательных высказываний²⁴. Относительно эмоций это означает, что, подобно тому, как различаются *emotion display rules* («правила проявления эмоций» в терминологии П. Экмана, см. также выше), так же различаются и правила их вербализации. Носители американского английского в диалоге часто стараются избегать употребления слов-эмоций, содержащих определенные семантические компоненты; ср. прагматическую неадекватность следующих фраз:

- (7) Компонент: ‘Я чувствую что-то плохое из-за тебя’
Выражения: *You have hurt my feelings, I’m offended by you*
‘Ты меня обидел’;
- (8) Компонент: ‘Ты чувствуешь что-то плохое’
Выражения: *You are hurt, You are offended*
‘Ты обижен’;
- (9) Компонент: ‘Ты находишься в плохой ситуации’
Выражения: *I feel pity for you*
‘Мне тебя жаль’;
- (10) Компонент: ‘Я сделал что-то плохое’
Выражения: *I’m ashamed to have bothered you*
‘Мне стыдно, что я вас побеспокоил’.

Их обычно заменяют более мягкими и более общими, «обтекаемыми» выражениями (о культурных табу в британском английском см. [Ларина 2009: 287–301]).

²³ Это может происходить и не только на лексическом материале; так, пресловутый фатализм (пассивность, иррациональность, неконтролируемость происходящего), свойственный русской культуре и языку, отражается, как многократно отмечалось, в некоторых безличных синтаксических конструкциях [Вежбицкая 1996; Апресян 2006]. Интересно, что он находит параллели на концептуальном и культурном уровне в современной англо-саксонской культуре (традиционно считавшейся представителем «рациональной» и «активной» ментальности), где становящиеся все более общепринятыми фаталистичность и пассивность выражаются в формировании устойчивых понятий типа *victim culture* ‘культура жертв’, *blame culture* ‘культура нахождения виноватого; букв. культура обвинения’, характеризующих тип менталитета и поведения, при котором происходит «responsibility-shifting» – перенос ответственности за действия и поступки с агенса на окружающих лиц или неблагоприятные обстоятельства. Ср.: «We all have some tendency to blame what is outside our control when something goes badly» ‘Нам всем свойственно обвинять то, что нам неподконтрольно, когда происходит что-то плохое’ [Pearn et al. 1998: 11]. *Blame culture* – важное социологическое и психологическое понятие, отражающее широко распространенное явление и используемое, в частности, для характеристики компаний по типу отношения менеджмента к ошибкам подчиненных.

²⁴ О специфике культурных скриптов в англоговорящих культурах см. [Wierzbicka 2006].

Ср. употребление *I feel bad for you, I feel for you* вместо *I feel pity for you* ‘Мне тебя жалко’; *I feel bad to bother you* вместо *I’m ashamed to bother you* ‘Мне неловко Вас беспокоить’; *This made me feel bad, I was sad* вместо *I was offended* ‘Мне было обидно’; *Take it easy* вместо *Don’t be offended* ‘Не обижайся’. Русский язык допускает даже слегка преувеличенное выражение негативных эмоций; ср.: *Пять ошибок в контрольной – какой позор!* при прагматической странности *Five mistakes on the test – what a disgrace!* В то же время английский язык приветствует слегка преувеличенное выражение положительных эмоций; ср.: широко обсуждавшееся в лингвистической литературе десемантизированное употребление английского *glad* ‘счастлив’ в качестве синонима *рад*’.

Ниже представлены выдержки из сравнительного анализа некоторых эмоциональных кластеров в русском и английском языках. Многие из анализируемых нами выражений неоднократно привлекали внимание исследователей; ср. анализ различных слов-эмоций в работах [Иорданская 1971; 1984; Iordanskaja et al. 1996; Wierzbicka 1999; Levontina, Zalizniak 2001; Шмелев 2002; Апресян 2004; Левонтина 2004; Урысон 2004].

2.3.1. Кластер ‘страх’ в русском и английском языках

В кластер ‘страх’ входят эмоции, объединяемые идеей того, что может произойти что-то плохое, желания этого избежать и ощущения собственного бессилия.

В обоих языках есть концепт общего, «нейтрального» ‘страха’, который является эмоциональной, интеллектуальной и поведенческой реакцией на потенциально опасный объект, действие или ситуацию, которых экспериенсер хотел бы избежать. Ср. следующие пары примеров:

- (11) *Я боюсь этого человека <экзаменов>*
I’m afraid of this man <of the exams>;
- (12) *Я боюсь ходить в лес*
I’m afraid to go into the woods;
- (13) *Мне страшно ехать с горы*
I’m scared to go down this slope.

Семантически этот тип ‘страха’ можно эксплицировать следующим образом²⁵:

- (14) ‘человек X думает, что объект, ситуация или действие Y опасны²⁶; X хотел бы избежать Y; X чувствует что-то плохое’

Данная семантическая экспликация, как и другие, приведенные ниже, не представляет собой толкования какого-то одного слова, а описывает подтип эмоции, который может выражаться каким-то кругом употреблений разных лексем. Таким образом, мы говорим о разных оттенках эмоции, находящих выражение в разных языковых единицах, понимая, что между эмоцией и словом не всегда существует взаимно-однозначное соответствие, и часто бывает, что один тип эмоции выражается разными словами (*бояться, страшно*), а также может не иметь собственного специального лексического выражения, для чего приходится прибегать к развернутому описанию (ср.: *благочестивый трепет* в русском для выражения эмоции, для которой в английском есть отдельный термин – *awe*).

В обоих языках также зафиксировано представление о кратковременном «биологическом» страхе, который не предполагает никакого мыслительного процесса, предшествующего эмоции – это биологическая, поведенческая и эмоциональная реакция на внезапно воспринятый экспериенсером пугающий объект, например, собаку, лету-

²⁵ Ср. толкования синонимических рядов *бояться* и *страх* в Новом словаре синонимов русского языка [В. Апресян 2004; Урысон 2004], а также описание *to be afraid* ‘бояться’ в работе [Вежбицкая 1996].

²⁶ ‘Опасный’ – ‘такой, который может стать причиной чего-то плохого’.

чую мышь, внезапно появившегося на пороге незнакомого человека, неожиданный и необычный шум – страх, о котором Леду [LeDoux 1996] пишет, что в нем биологическая и поведенческая реакция предшествует и способствует осознанию эмоции как страха, цитируя В. Джеймса: «We don't run because we are afraid; we are afraid because we run» 'Мы не убегаем из-за того, что боимся; мы боимся из-за того, что мы убегаем'. Семантически этот тип 'страха' можно эксплицировать следующим образом:

- (15) 'X неожиданно воспринимает объект Y; тело X-а становится холоднее; сердце X-а бьется чаще; X может невольно что-то сделать – убежать, вскрикнуть, застыть на месте; X чувствует, что испытал что-то плохое'.

Этот тип 'страха' выражается несколькими лексическими единицами: *пугаться / испугаться / перепугаться; to get scared, to get frightened, to get a scare, to get shit-scared*.

И в русском, и в английском есть концепты кратковременного и очень сильного, иногда мистического 'страха' перед чем-то очень плохим, масштабным и часто непонятным. Этот вид 'страха' эксплицируется следующим образом:

- (16) 'X думает или чувствует, что может произойти очень плохой Y или что очень плохой Y может сделать X-у что-то очень плохое; X чувствует, что не может ничего сделать, чтобы этого избежать; X чувствует что-то очень плохое'.

В английском для выражения этого смысла существует специальное слово *terror* 'ужас' и его производные – *to terrify* 'ужасать, пугать', *terrifying* 'жуткий', *terrified* 'в ужасе'. Эта разновидность 'страха' вызывает сильную физиологическую и неконтролируемую поведенческую реакцию; ср.: *to go pale with terror* 'побелеть от ужаса', *one's blood turns icy with terror* 'кровь холодеет от ужаса', *to freeze/to numb with terror* 'застыть / онеметь от ужаса', *to flee in terror* 'убежать в ужасе'.

Русский коррелят *terror*, слово *ужас*, а также его дериваты *ужасаться / ужаснуться* имеют более широкое значение: они могут относиться не только к чувству ожидания чего-то очень плохого, но и к чувству, которое охватывает человека, когда что-то очень плохое уже произошло; ср. возможность использования этого слова в следующих двух контекстах:

- (17a) *Он с ужасом смотрел на приближавшихся бандитов;*
(17b) *Он с ужасом смотрел на обезображенное тело.*

В английском для этих двух ситуаций используется два разных слова:

- (18a) *He was looking at the approaching gangsters in terror;*
(18b) *He was looking at the mutilated body in horror.*

В первом из этих употреблений *ужас* близок к *terror*; ср.: *застыть <побелеть> от ужаса, быть парализованным ужасом, убежать в ужасе*. Во втором употреблении *ужас* ближе к *horror*, хотя в нем и отсутствует компонент 'отвращения', свойственный *horror*.

Дериват существительного *ужас*, глагол СОВ *ужаснуться* может описывать только чувство, которое появляется после того, как произошло что-то плохое, не до этого:

- (19) *Пантелей беспокойно глянул на Вадима и ужаснулся – пропал его друг, пропал артист* (В. Аксенов).

Форма НЕСОВ *ужасаться* тоже относится к чувству, вызванному чем-то уже произошедшим, однако, как правило, описывает словесную реакцию:

- (20) *Василиса ужасалась, охала, молилась* (Л. Улицкая).

Horror – пограничная эмоция, сочетающая элементы 'страха' и 'отвращения', что проявляется даже в ее метафорической концептуализации. Отчасти симптоматика и, следовательно, метафорика *horror* пересекается с *terror*, то есть 'ужасом, сильным страхом': *horror iced <curdled> one's blood* 'ужас заледенил кровь', *to shrink in horror* 'сжаться в ужасе'. Однако в метафорике *horror* присутствуют и элементы *disgust* 'отвращения': *to vomit in horror* 'тошнит от ужаса'. *Horror* – это пример стирания гра-

ницы между разными кластерами, очень характерного для английского языка с его обилием слов для обозначения смешанных эмоций. Там, где в английском мы находим *horror*, в русском, в зависимости от контекста, встречается *ужас и отвращение; ужас, смешанный с отвращением; ужас; отвращение*; например, в «Лолите» В. Набокова фразе *I adore her so horribly* в авторском переводе соответствует *Я так мерзко обожаю ее*.

Однако, хотя в *horror* явно присутствуют компоненты 'страха' и 'отвращения', этим комплекс чувств в *horror* не исчерпывается. Во-первых, удельный вес этих двух эмоций в *horror* явно неравен. В то время как фразы типа *She looked at him with horror and disgust* встречаются очень часто, фразы типа *She looked at him with horror and fear* практически не встречаются, что указывает на преобладание в эмоции *horror* компонента 'страха'.

Во-вторых, в *horror* есть нечто, отсутствующее и в 'отвращении', и в других типах 'страха'. В своем тонком психологическом описании *horror* Р. Соломон указывает на дополнительный важный компонент этой сложной эмоции – шок [Solomon 2004]. *Horror* вызывается только очень сильно выходящими за рамки обыкновенного отрицательно оцениваемыми объектами или явлениями. В современном языке употребление *horror* сильно размыто, однако в основном круге употреблений это слово указывает на чувства, вызываемые чем-то чудовищным, монструозным, невероятным – в том числе внешне, как франкенштейновский монстр. Фильмы жанра *horror*, с их злыми силами, страшными существами (часто сверхъестественного происхождения), с графически ярким насилием, полностью соответствуют семантике основного употребления существительного *horror*.

В обоих языках присутствует концепт религиозного 'страха', который внушают высшие силы или существа – Бог, природа, значительные личности. Однако в обоих языках этот концепт достаточно маргинален и, соответственно, выражающие его лексические единицы (*трепет, awe*) не слишком частотны и стилистически окрашены как книжные. Этот тип 'страха' также представляет собой смешанную эмоцию, в которой, однако, преобладают не отрицательные компоненты 'страха', а положительные компоненты 'уважения' и 'восхищения'. Объект, вызывающий эмоцию, не обязательно воспринимается как опасный для экспериенсера, наоборот – он часто оценивается как очень хороший. Элемент 'страха' объясняется тем, что экспериенсер ощущает свою слабость и беспомощность по сравнению с объектом чувства. Семантически эксплицитно этот тип 'страха' можно следующим образом:

- (21) 'X думает, что Y очень хороший и очень значительный; X думает, что он очень незначительный; X чувствует что-то очень хорошее и очень сильное к Y-у; X чувствует, что Y может сделать что-то с X-ом, а X не может сделать ничего с Y-ом'.

В английском этот тип 'страха' выражен в большей степени: глагол и существительное *awe* и их дериваты *awesome* 'вызывающий трепет', *awed* 'в благоговейном ужасе' являются специальными обозначениями этого пограничного типа 'страха', в то время как в русском для того, чтобы выразить этот смысл, необходимо использовать фразу *благоговейный <священный> ужас* или метафорические выражения *трепет, трепетать*. Как и в случае *horror*, смешанная эмоция *awe* содержит разные компоненты в разной пропорции; доля 'восхищения' и 'уважения' превышает долю 'страха', что объясняет в целом положительный характер этой эмоции.

Религиозному типу 'страха' можно противопоставить 'страх' рациональный, который практически не содержит собственно эмоциональных компонентов – это скорее рациональная оценка и некое сопряженное с ней поведение:

- (22) 'X думает, что объект, ситуация или действие Y опасны; X предпочитает избегать Y-а'.

Этот тип 'страха' выражается глаголом *опасаться* и его дериватами в русском языке и прилагательным *apprehensive* и его дериватами в английском; ср. следующую пару коррелирующих примеров:

(23a) *Опасаясь побочных эффектов антидепрессантов, он отказался от медикаментозного лечения;*

(23b) *Apprehensive about the side effects of anti-depressants, he opted out of pharmacotherapy.*

Полной противоположностью рациональному ‘страху’ является *панический страх*, *паника*, *panic* ‘паника’ и *to freak out* ‘перепугаться’. Этот тип ‘страха’ предполагает полную потерю рационального самоконтроля а, в случае *паники* и *panic*, еще и неконтролируемые поведенческие реакции.

В отличие от всех остальных типов ‘страха’, *паника* может охватывать целые группы, даже толпы людей и животных; ср. психологические термины *crowd panic*, *mass panic* ‘массовая паника’. Сами слова *паника* и *panic* также являются психологическими терминами, обозначающими состояния с достаточно четко определенным кругом симптомов: учащенным сердцебиением, потоотделением, затрудненным дыханием, тошнотой, головокружением, онемением, дереализацией или деперсонализацией [Manual of mental disorders 1994: 394–403]. Настоящие панические состояния, особенно массовые, вызываются обычно какими-то чрезвычайными, а следовательно редко встречающимися обстоятельствами (землетрясение, пожар, ограбление), поэтому «психологическое» значение слов *паника* и *panic* в разговорной речи не актуализуется²⁷. В разговорной речи эти слова употребляются ослабленно и расширительно, однако указание на потерю рационального контроля над собой, когда эмоция на время полностью вытесняет способность мыслить, сохраняется; ср.: *Перед контрольной меня охватила паника.*

Семантика этого типа ‘страха’ может быть эксплицирована следующим образом:

(24) ‘произошел или может произойти очень плохой Y; X чувствует, что он не может ничего сделать; X не знает, что делать; X не может думать; X невольно что-то делает, обычно бежит куда-то’.

Поскольку всякий ‘страх’ предполагает какую-то разновидность поведенческой реакции, эта эмоция становится объектом социальной и этической нормативной оценки. В обоих языках есть концепт «плохого», неэтичного ‘страха’, точнее, вызванного страхом неэтичного поведения в ситуации, которая требует, чтобы человек преодолел страх. Сами ситуации могут различаться в зависимости от времени, места и культуры, но всегда есть круг социально обусловленных контекстов, требующих от человека смелости, и неспособность преодолеть ‘страх’ и действовать так, как будто человек его не испытывает, вызывает негативную этическую оценку общества. Этот тип ‘страха’ может быть семантически эксплицирован следующим образом:

(25) ‘X думает, что Y опасен; X хочет избежать Y-а; X старается избежать Y-а; говорящий думает, что избегать Y-а в данной ситуации плохо’.

Этот тип поведения и личности, склонной к такому поведению, обозначается выражениями *(с)трусить* и *(с)дрейфить*, которые в форме НЕСОВ обозначают чувство страха и желание избежать опасной ситуации, а в форме СОВ – удавшуюся попытку ее избежать, а также *малодушный*, *трус*, *трусость* в русском языке и английскими *to get cold feet* ‘струсить, сдрейфить, смалодушничать’, *coward* ‘трус’, *cowardice* ‘трусость’, *cowardly* ‘трусливый’, *chicken* ‘трусишка’.

Интересно, что в обоих языках используются одни и те же метафорические средства для обозначения этого типа поведения, вызванного страхом. Негативно окрашенная метафора ‘страха’ строится на физиологической симптоматике страха у людей и у животных. Это разговорно-сниженное выражение *наложить в штаны* и его еще более грубые синонимы, их английские эквиваленты *to poop out*, *to crap out* (о подобных идиомах в русском и английском см. [Добровольский 1996]), а также разговорное выражение *поджать хвост* и его английский эквивалент *to have one's tail between one's legs*.

²⁷ При том, что для среднего человека настоящая паника представляет собой скорее некий психологический курьез или вовсе является незнакомым состоянием.

2.3.2. Кластер 'гнев' в русском и английском языках

Как и 'страх', 'гнев' включается в число эмоций, которые большинством психологов и физиологов считаются базовыми. Подобно 'страху', 'гнев' предположительно возник в ходе эволюции как способствующая выживанию реакция на потенциальную угрозу. В отличие от более пассивного 'страха', 'гнев' эволюционно предполагает агрессию. Физиологические проявления 'гнева' обусловлены его эволюционной функцией – приготовить экспериментера к нападению – и проявляются главным образом в повышении температуры тела и учащении сердцебиения. Интересно, что в языке 'гнев' выражается в первую очередь не как реакция на нечто еще не произошедшее, на потенциальную угрозу, а как негативный эмоциональный ответ на нечто плохое, что уже произошло. По-видимому, это отражает нынешнюю, в гораздо большей степени социальную, нежели эволюционную, функцию 'гнева' в современном человеческом обществе. Как и биологический 'страх', биологический 'гнев', общий для человека и животных, составляет лишь малую и периферийную часть общей концептуализации 'гнева' в рассмотренных языках.

Вообще же в кластер 'гнев' входят эмоции, объединяемые идеей того, что происходит или произошло что-то плохое, в сочетании с желанием сделать что-то плохое, чтобы это прекратить или отомстить.

Как и всякая эмоция с яркими физиологическими проявлениями, 'гнев' имеет достаточно универсальную метафорическую концептуализацию в языке, а именно ГНЕВ – ЖАР, описанную и документированную в первую очередь в работах [Lakoff, Johnson 1980; Kövecses 2000]. В русском и английском языках она представлена, среди прочего, выражениями, характеризующими внутреннее состояние и поведение человека, испытывающего 'гнев': *кунеть, всыхнуть, взорваться; to seethe, to boil, to explode*.

Однако 'гнев' также широко представлен неметафорической лексикой, и в этой области русский и английский языки обнаруживают меньше сходства: хотя концептуальные карты 'гнева' в двух языках в большой степени пересекаются, есть и много различий.

Во-первых, как и в случае 'страха', в английском языке существует большое количество «пограничных» выражений, обозначающих смесь 'гнева' и какой-то другой эмоции. Например, это *resentment* – смесь 'гнева', 'зависти' и 'обиды', то есть специфический вид бессильного недовольства, не проявляющийся в агрессии, поскольку экспериментер ощущает себя более слабой стороной в конфликте, но который может быть даже более неприятной, интенсивной и «горькой» эмоцией, чем *anger*, поскольку долго накапливается, не находя выхода. *Resentment* обычно вызывается событиями и объектами, которые воспринимаются как несправедливое отношение к экспериментеру (и в этом его близость к 'обиде'), особенно в ситуации, когда кто-то другой пользуется хорошим отношением или находится в лучшей позиции (и в этом его близость к 'зависти'):

(26) *Back then there was some resentment among the old pros when he started winning* (COCA)

'Некоторые из старых профессионалов были недовольны, когда он начал побеждать [речь идет о молодом перспективном теннисисте]';

(27) *Resentment felt by the Arab poor toward the oil-rich* (COCA)

'Чувство недовольства, которое арабские бедняки испытывают по отношению к нефтяным магнатам'.

В английском есть и другие специфические разновидности 'гнева', отсутствующие в русском (*annoyance, frustration*), о которых речь пойдет ниже.

Начнем, однако, с «нейтрального» 'гнева', не окрашенного дополнительными оттенками эмоций или отношением говорящего, который представлен и в русском, и в английском и может быть эксплицирован следующим образом:

(28) 'Y сделал что-то плохое; X чувствует что-то плохое по отношению к Y-у; X хочет сделать что-нибудь'²⁸.

²⁸ Приведенная нами семантическая экспликация имеет много общего с «семантической выжимкой» значений разных синонимов в статье глагола *сердиться* [Апресьян 2004], а также с определением *anger* в работе [Вежицкая 1996: 361].

И в русском, и в английском есть выражения, обозначающие подобную негативную, умеренно агрессивную реакцию на чей-то плохой поступок или свойство – это *сердиться* и *to be angry* букв. ‘быть сердитым’, *anger* букв. ‘гнев’. Однако *сердиться* и *to be angry* далеко не симметричны: *angry* и особенно *anger* покрывают гораздо более широкое концептуальное поле, нежели *сердиться*. *Сердиться* – чувство средней интенсивности и глубины, и оно не может вызываться по-настоящему серьезным стимулом, в отличие от *anger*, который может быть и сильным, и глубоким. Кроме того, *сердиться* в целом предполагает гораздо более узкий круг ситуаций, нежели *anger*. Безусловно, как и в английском, родители могут *get angry* или *сердиться* на ребенка, то же самое может испытывать учитель в отношении ученика или начальник по отношению к подчиненному. Могут *сердиться* или *get angry* также люди с одинаковыми статусами – например, друзья. Однако, когда речь идет о больших группах людей и более абстрактном уровне эмоции, или же, наоборот, о более низком, животном уровне, английский также может использовать *anger*, *to get angry*, в то время как русский язык использует другие выражения: *негодование*, *гнев*, *возмущение* используются в первом случае, *злиться* – во втором.

Так, *anger* может описывать эмоцию, которую испытывает несправедливо осужденный человек по отношению к судьбе, однако *сердиться* в данном контексте звучало бы неадекватно мягко и «мелко» – по-русски скорее можно говорить о *гневе*, *ярости*, *негодовании* или даже *обиде*.

Anger может описывать чувства жителей страны, на которую напали враги, однако очевидным образом *сердиться* неадекватно и в этой ситуации – по-русски эту эмоцию можно назвать *народным гневом* или *возмущением*.

Anger может описывать и чувства группы людей, вызванные более приземленными стимулами, например, повышением налогов, в то время как по-русски эту эмоцию называют скорее *недовольством*.

Кроме того, *сердиться*, не будучи особенно сильной эмоцией, не может, в отличие от *anger*, иметь неконтролируемых деструктивных поведенческих проявлений – обычно эта эмоция выражается вербально. Что касается *anger*, то эта эмоция может быть столь сильной и неуправляемой, что требует специального *anger management* – особого типа самоконтроля, направленного на сдерживание и преодоление гневливости.

Таким образом, русский язык, который в области эмоциональной лексики в целом гораздо менее «детализирован», чем английский, в области ‘гнева’ избирает стратегию специализации и покрытия концептуального пространства большим количеством специфических выражений для разных оттенков этой эмоции, а не стратегию обобщения и использования одного слова в разных употреблениях для описания многочисленных подтипов эмоции.

Итак, на концептуальных картах ‘гнева’ русская лексема *сердиться* занимает малую часть английского *anger*, она соответствует *anger* в его более слабых проявлениях, по менее важным поводам. Более глубокое и сильное чувство *anger*, вызываемое какими-то серьезными причинами, передается русскими лексемами *гнев* и *негодование*.

Если «центральная», нейтральная часть кластера ‘гнев’ в русском и английском сильно различается, то периферия пересекается в гораздо большей степени. Так, в обоих языках присутствует представление о сильном, «животном» ‘гневе’ – это *ярость* и *fury*, и, в еще большей степени, *бешенство* и *rage*. Эти эмоции имеют неконтролируемые и неприятные для экспериенсера физиологические проявления: *задышаться от ярости* <*бешенства*>, *побагроветь* <*почернеть*> *от ярости* <*бешенства*>, *to fly into a fury* <*rage*>, *to choke with fury* <*rage*>, *black* <*purple*> *with rage* <*fury*>, *to gasp with rage* <*fury*>. Поведенческие проявления этого типа ‘гнева’ деструктивны и также не поддаются контролю:

(29) *Марат Сафин меняет тренеров едва ли не чаще, чем теннисные ракетки, которые в ярости ломает на корте* («Известия», 2001.10.12);

- (30) *Он в бешенстве порвал на себе рубаху* (В. Гроссман); *He may strike out at them in fury* ‘Он может ударить от ярости’ (СОСА);
- (31) *Suspect says he killed in rage* (СОСА) ‘Подозреваемый утверждает, что совершил убийство в состоянии бешенства’.

Fury и *ярость*, с одной стороны, и *бешенство* и *rage*, с другой, несколько различаются степенью чувства и, соответственно, проявлениями: *ярость* и *fury* чаще проявляются вербально, *бешенство* и *rage* – в деструктивных поступках: *заорать в ярости, hiss in fury, yell in fury*, но *убить в приступе бешенства, to kill in a fit of rage*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

- (32) ‘Y сделал что-то очень плохое; X чувствует что-то очень плохое по отношению к Y-у; X хочет сделать Y-у что-то очень плохое; X не может думать ни о чем другом; X делает что-то’.

В обоих языках есть выражения для неоправданного, отрицательно оцениваемого говорящим ‘гнева’ – немотивированно плохого отношения к кому-то и желания причинить вред этому человеку, которое вызывается не какими-то поступками объекта чувства, а особенностями характера экспериенсера. Русская *злоба*, а также английские *venom, rancour, spite* предполагают отрицательную оценку говорящим экспериенсера, указывают на неприятные и отталкивающие физиологические проявления: *позеленеть от злобы, green with spite*. Поскольку склонность к этим эмоциям коренится, по мнению говорящего, в характере экспериенсера, в языке существуют средства, выражающие эту особенность характера – прилагательные *зловный, spiteful*. Этот тип ‘гнева’ семантически выражается следующим образом:

- (33) ‘Y что-то сделал; X чувствует что-то очень плохое по отношению к Y-у; X хочет сделать что-то очень плохое Y-у; из-за этого говорящий думает об X-е плохо’.

В обоих языках также есть концепт сильного, но неглубокого ‘гнева’, который может быть вызван не чьими-то поступками, а обстоятельствами в целом и поэтому не обязательно направлен на какого-то конкретного человека. Этот тип ‘гнева’ выражается языковыми единицами *раздражение, irritation*, а также их производными. *Раздражаются* обычно по какому-то поводу, но не *на кого-то*; ср. странность: *‘Я раздражен на тебя, I am irritated at you*. Этот тип ‘гнева’ часто выражается вербально или мимически – в повышенном голосе, манере говорить, резких выражениях; ср.: *говорить раздраженно, гримаса раздражения, I could hear irritation in his voice* ‘Я слышал раздражение в его голосе’, *Irritation tightened his face* ‘Его лицо напряглось от раздражения’. Он может также выражаться поведенчески, однако это поведение обычно направлено не на причинение вреда какому-то конкретному человеку, а скорее имеет целью «выпустить пар»; ср.:

- (34) *Николай Аристархович в раздражении хлопнул ладонями по рулю* (М. Елизаров);
- (35) *Irritated, he banged his fist on the table*
‘Он в раздражении ударил кулаком по столу’.

Однако часто человек в состоянии подавить этот тип ‘гнева’, если не скрыть его полностью:

- (36а) *Он с трудом подавил раздражение;*
(36б) *He stifled <restrained, fought down> his irritation.*

При том, что этот тип ‘гнева’ весьма поверхностен и вызывается не слишком серьезными событиями и обстоятельствами, он весьма неприятен для экспериенсера, лишает его спокойствия духа подобно тому, как физическое раздражение лишает человека ощущения хорошего самочувствия. Метафора физически неприятного, постоянно беспокоящего, хотя и поверхностного раздражения концептуализует этот тип ‘гнева’ и в русском, и в английском языках.

Этот тип ‘гнева’ может возникать и как естественная реакция на неприятные, раздражающие стимулы – события, обстоятельства, свойства окружающих объектов –

и как результат особенностей характера экспериенсера, например, его чрезмерной раздражительности; ср. (37а) и (37б) vs. (38а) и (38б):

- (37а) *Меня раздражает ее неаккуратность;*
(37б) *Her messiness is irritating;*
(38а) *Она слишком раздражительна, чтобы быть хорошей учительницей;*
(38б) *She's too irritable to be a good teacher.*

В английском есть сленговое выражение, которое в некоторых контекстах может быть употреблено для выражения этого типа 'гнева' – *to be pissed off*:

- (39) *My father was always pissed off. He was pissed that he had to work so hard. He was pissed that he made such lousy money. He was pissed that there were seven of us living in a tiny house* (СОСА)
'Моего отца все **раздражало**. Его **раздражало**, что ему приходилось так много работать. Его **раздражало**, что он так мало зарабатывал. Его **раздражало**, что мы всемером живем в маленьком доме'.

Здесь не слишком глубокое, но неприятное чувство, не имеющее конкретного объекта, вызывается сочетанием назойливо неблагоприятных обстоятельств и особенностей характера экспериенсера.

Однако, как это вообще свойственно сленгу, выражение *pissed off* имеет несколько более широкий смысл и покрывает не только раздражение, но и некоторые другие оттенки 'гнева'.

Это может быть чувство, направленное на конкретного человека и вызванное каким-то его поступком, похожее на то, что выражается русским *сердиться* и английским *angry*:

- (40) *My mom was pissed off at me when she found out I was smoking*
'Моя мама **рассердилась** на меня, когда узнала, что я курю'.

Иногда это бывает чувство бессильного 'гнева', к которому примешивается разочарование:

- (41) *I think people are cynical, disgusted and pissed off about politics, and I think that's a perfectly rational reaction* (СОСА)
'Мне кажется, народ относится к политике цинично, с чувством отвращения и **досады**, и это кажется мне абсолютно разумной реакцией'.

Иногда это злость, которую хочется выплеснуть наружу:

- (42) *Haven't the two of you got anything better to do than sit around discussing the old details of something that happened to me years and years ago? Which you don't have any right to know about at all because it's none of your damn business! Damn it all to hell, now I'm really pissed off!* (СОСА)
'Вам что, делать больше нечего – только сидеть тут и обсуждать то, что случилось со мной сто лет назад! И что у вас нет никакого права знать, потому что это не ваше чертово дело! Черт побери, ты меня действительно **разозлил!**'

И наконец, это чувство может быть и легким, и сильным, и даже, в отличие от *раздражаться* и *сердиться*, глубоким: *a little <mightily> pissed off, deeply pissed off* 'слегка <очень> **раздраженный**', 'глубоко **раздраженный**'.

Эта разновидность 'гнева' семантически эксплицируется следующим образом:

- (43) 'произошло что-то плохое; X чувствует что-то очень плохое из-за этого; X чувствует что-то похожее на то, что люди ощущают, когда они испытывают физическое раздражение; X может хотеть сделать что-то плохое; X не может чувствовать себя хорошо'.

В английском языке выражен еще один, похожий на раздражение тип 'гнева' – это *annoyance*, разновидность 'гнева', вызываемая повторяющимся неприятным стимулом, т. е. нечто среднее между *раздражаться* и *надоесть*. Подобно раздражению, *annoyance* указывает на почти физически неприятное и назойливое чувство, которое лишает человека душевного покоя. Однако в *annoyance* есть дополнительное ограничение: как пра-

вило, это чувство возникает после того, как нечто неприятное произошло несколько раз, и когда экспериенсер чувствует себя лично задетым этим. В отличие от *раздражения*, *annoyance* бывает глубоким чувством: *deeply annoyed*. Кроме того, *annoyed* чаще видится как более оправданная реакция на стимул, нежели *раздражение*, которое может вызываться особенностями характера экспериенсера – того, что человек является *irritable*, *раздражительным*; такой черты характера, как **annoyable*, не существует. В русском языке концепт такого ‘гнева’ также присутствует, однако не в литературном языке, а в сленге: *груб. достать* и *табу затрахать*. Оба эти глагола могут употребляться и когда чувство направлено на конкретного человека (его поступки или качества), и когда оно вызвано обстоятельствами в целом, причем в первом случае акцентируется компонент ‘гнева’, а во втором – компонент ‘надоесть’: *Как он меня достал! Ревнует, скандалы устраивает – давно ни на кого так не злилась!*; *Он меня затрахал своим кретинизмом!* vs. *Как же меня всё достало – я устал от жизни*; *Как меня все затрахало* или даже *Меня затрахало болеть*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

- (44) ‘много раз произошел плохой Y или постоянно происходит какой-то плохой Y; X чувствует что-то очень плохое из-за этого; X хочет, чтобы Y прекратился; X чувствует что-то похожее на то, что люди ощущают, когда они испытывают физическое раздражение; X может хотеть сделать что-то плохое; X не может чувствовать себя хорошо’.

Этот вид ‘гнева’ может выражаться и единицами с более широким значением – *нервировать* или *to get on one's nerves*: *He's getting on my nerves* ‘Он меня раздражает <нервирует>’. Однако это слово указывает только на общее неприятное нервное возбуждение, в нем отсутствует один из главных компонентов ‘гнева’ – желание сделать что-то плохое.

В английском есть еще один тип ‘гнева’, который может вызываться обстоятельствами и не быть направленным на конкретного человека (подобно *раздражению* и *annoyance*). Этот тип ‘гнева’ выражается в английском словами *to frustrate*, *frustrated*, *frustration*, *frustrating*. Он, как и *annoyance*, вызывается повторяющимся стимулом, однако близок не к *надоесть*, а к *разочароваться*, он предполагает постоянное недостижение цели и, как результат, чувство бессильного ‘гнева’ по поводу объекта, препятствующего достижению цели, или обстоятельству; эти три эмоции – *frustration*, *disappointment* ‘разочарование’ и *anger* ‘гнев’ – часто даже упоминаются рядом:

- (45) *This is causing a great deal of frustration and anger and disappointment among women* (COCA)
‘Это вызывает **frustration**, гнев и разочарование среди женщин’;
- (46) *I had a sense of tremendous frustration and disenchantment and anger*
‘У меня было чувство огромного **frustration**, разочарования и гнева’.

Экспериенсер чувствует, что его усилия не приводят к желаемому результату, что они как бы разбиваются о бетонную стену не зависящих от него обстоятельств и непреодолимых трудностей:

- (47) *Do you know what causes frustration? It isn't problems. You get those all the time. What causes frustration is knowing that 20 years from now, nothing will have changed* (COCA)
‘Вы знаете, что вызывает **frustration**? Не проблемы. Люди сталкиваются с проблемами все время. **Frustration** вызывается пониманием того, что и через двадцать лет ничего не изменится’.

Как и раздражение, *frustration* может контролироваться экспериенсером (*pent-up frustration* ‘подавленное frustration’), но может и выплескиваться, особенно вербально или же в каких-то действиях, направленных не на причинение вреда конкретному объекту, а на «выпускание пара»: *to shout in frustration* ‘кричать во **frustration**’, *tears of frustration* ‘слезы **frustration**’, *She ate an ice cube, taking out some of her frustration by crunching angrily down on it* (COCA) ‘Она съела кубик льда, сердито грызя и вымещая

на нем **frustration**'. Кроме того, экспериенсер может реагировать на эту эмоцию и неструктивными способами, стараясь найти выход из тупиковой ситуации:

- (48) *We have run into roadblock after roadblock in our attempts. In total frustration, we are writing to you* (СОСА)
'Наши старания сталкивались с постоянными препятствиями. Мы обращаемся к вам в полной **frustration**'.

Этот тип 'гнева' семантически эксплицируется следующим образом:

- (49) 'X хочет добиться какой-то цели; X прилагает много усилий для этого; X не может добиться своей цели из-за человека или обстоятельств Y; X чувствует что-то плохое из-за этого; X чувствует, что ничего не может сделать; X может хотеть сделать что-то плохое из-за этого'.

Интересно, что хотя носители языка часто не видят разницы между *angry* и *frustrated*²⁹, словари не всегда отмечают компонент 'гнева' во *frustration*, определяя это чувство как 'dissatisfaction' – 'неудовлетворение', а *to frustrate* как 'disappoint' – 'разочаровывать' (Merriam-Webster unabridged dictionary); ср., впрочем, *to frustrate* – 'to upset or anger (a person) by presenting difficulties that cannot be overcome' 'расстраивать или сердить человека непреодолимыми трудностями' (Collins English dictionary).

Сочетаемость *frustration* также указывает на нечто гораздо более агрессивное и потенциально опасное, чем простое разочарование: *bloody frustration* 'кровавая **frustration**'; *Often, because of their own drug-induced paranoia, irritation, and frustration, they violently abuse children* 'Часто из-за собственной вызванной наркотиками паранойи, раздражения и фрустрации они жестоко обращаются с детьми'; *Poverty and social frustration are sowing violence* 'Бедность и социальная фрустрация порождают насилие'.

В русском языке этот концепт не выражен в полной мере. Из-за наличия лакуны произошло лексическое заимствование, однако слово *фрустрация* не является реальным соответствием своего английского коррелята – по крайней мере, на данном этапе, это специальный психологический термин, обозначающий 'негативное психическое состояние, обусловленное невозможностью удовлетворения тех или иных потребностей. Это состояние проявляется в переживаниях разочарования, тревоги, раздражительности, наконец, отчаянии'³⁰. Слово *фрустрация*, в отличие от гораздо более нейтрального и частотного *frustration*, практически не встречается за пределами психологического дискурса³¹. Слово *dosada* близко *frustration* компонентами недостижения цели, однако в *dosada* отсутствует элемент беспомощности, ощущение тупика и вытекающая из него агрессивность; *dosada* – намного более мягкое и несерьезное, минутное чувство, в то время как *frustration* может накапливаться годами. Отчасти близки *frustration* также сленговые выражения *облом*, *обломаться*, однако и в них агрессивный компонент необязателен.

В обоих языках представлен концепт «оправданного» 'гнева' – (*праведное, благородное*) *негодование* и (*rightful*) *indignation*. Эта разновидность 'гнева' не эгоцентрична; часто *негодование* и *indignation* испытывают по поводу событий, лично экспериенсера не задевающих. Этот тип 'гнева' возникает, когда с точки зрения экспериенсера произошло нарушение каких-то важных этических норм; оно вызывает не желание сделать что-то плохое объекту, отомстить ему, но скорее желание наказать объекта и восстановить таким образом справедливость. Это чувство может возникать у целых групп людей: *негодование избирателей*; *волна общественного негодования*; *Политические лидеры всего мира с ужасом и негодованием реагировали на убийство Беназир Бхутто*; *World leaders on Thursday reacted with horror and indignation at the assassination of*

²⁹ Patricia Chaput – устное сообщение.

³⁰ Психологический словарь, <http://psi.webzone.ru/st/119500.htm>.

³¹ Частота употребления слова *фрустрация* составляет 0,87 на 1 млн слов (НКРЯ), в то время как частота употребления слова *frustration* составляет 19,48 на 1 млн слов (СОСА).

Benazir Bhutto; *political indignation* ‘политическое негодование’; *The media exploded in indignation* ‘СМИ разразились негодованием’. В английском этот тип ‘гнева’ также часто выражается словом *anger* – ср.: *justified anger*, *rightful anger* ‘оправданный гнев’, однако основным словом для выражения этого типа ‘морального гнева’ является *indignation*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(50) ‘Х думает, что Y сделал что-то плохое для других людей; Х чувствует что-то плохое к Y-у из-за этого; Х хочет, чтобы Y был наказан за это’.

Так же, как и в случае ‘страха’, английский кластер ‘гнев’ содержит концепт чувства, свойственного высшему – очень могущественному, возможно божественному – существу; ср. *wrath* ‘гнев’ в выражениях *God's Wrath* ‘гнев Божий’, *the cup of Wrath* ‘чаша гнева’. В русском для выражения этого смысла используется более общее слово *гнев*.

Этот тип ‘гнева’ семантически эксплицируется следующим образом:

(51) ‘Х думает, что Y сделал что-то очень плохое; Х хочет наказать Y-а за это; говорящий думает, что X намного сильнее Y-а’.

В обоих языках есть средства описания поведений, обусловленных гневом (подобно тому, как есть средства выражения поведений, обусловленных страхом). В русском поведения выражаются «синтетически» – словами, которые указывают одновременно на эмоцию и на тип поведения – *злиться*, *сердитый*. В английском есть специализированная лексика, описывающая в первую очередь внешние проявления этого чувства: *to glower* ‘сердито смотреть’, *sullen* ‘мрачный, сердито выглядящий’, *cross* ‘злой, сердитый’. В обоих языках отражено представление о *выпускании пара* (*letting off the steam*) в качестве «меры безопасности» при ‘гневе’, то есть направлении негативного потенциала этого чувства в бурные, но безобидные для окружающих вербальные и поведенческие реакции.

В целом концептуальные карты ‘гнева’ в русском и английском обнаруживают достаточно много пересечений, хотя более специализированные и маргинальные виды ‘гнева’ совпадают в большей степени, нежели центральная, нейтральная часть. Этот факт интересен с теоретической точки зрения, поскольку противоречит представлению о том, что семантически нейтральное, центральное, прототипическое должно быть более универсальным, а более специализированное, маргинальное, удаленное от центра – более вариативным. Кажется, что вероятность совпадения простых семантических структур в разных языках несколько не выше, чем вероятность совпадения более сложных структур (так, у простого *anger* нет точного коррелята, а более сложные *spite* и *злоба* коррелируют). Это вызвано, по-видимому, тем, что отражение тех или иных концептов языком регулируется не только собственно языковыми, семантическими процессами, но и общечеловеческими когнитивными особенностями, благодаря которым какие-то конфигурации жизненных ситуаций и, соответственно, семантических компонентов в значении слов оказываются более частотными и востребованными и, вследствие этого, лингвистически более универсальными, чем другие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
Апресян 2004 – Ю.Д. *Апресян*. Словарные статьи ГОРДИТЬСЯ, ЛЮБИТЬ, РАДОВАТЬСЯ, СЕРДИТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
Апресян 2006 – Ю.Д. *Апресян*. Основания системной лексикографии // Ю.Д. Апресян (отв. ред.). Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
Апресян 2009 – Ю.Д. *Апресян*. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М., 2009.

- Апресян, Апресян 1993 – Ю.Д. *Апресян*, В.Ю. *Апресян*. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ. 1993. № 3.
- Апресян и др. 2004 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- В. Апресян 2004 – В.Ю. *Апресян*. Словарная статья БОЯТЬСЯ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Булыгина, Шмелев 1997 – Т.В. *Булыгина*, А.Д. *Шмелев*. Языковая концептуализация мира на материале русской грамматики. М., 1997.
- Вежицкая 1996 – А. *Вежицкая*. Язык, культура, познание. М., 1996.
- Добровольский 1996 – Д.О. *Добровольский*. Образная составляющая в семантике идиом // ВЯ. 1996. № 1.
- Иорданская 1971 – Л.Н. *Иорданская*. Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств // Машинный перевод и прикладная лингвистика. 1972. Т. 16.
- Иорданская 1984 – Л.Н. *Иорданская*. Словарные статьи бояться, восторг, восхищать, гнев, страх // Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Ларина 2009 – Т.В. *Ларина*. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М., 2009.
- Левонтина 2004 – И.Б. *Левонтина*. Словарная статья ЖАЛОСТЬ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Рис 2005 – Н. *Рис*. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки / Пер. с англ. Н.Н. Кулаковой, В.Б. Гулиды. М., 2005.
- Шмелев 2002 – А.Д. *Шмелев*. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Урысон 2004 – Е.В. *Урысон*. Словарная статья ТОСКА // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. Ю.Д. Апресян, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, И.В. Галактионова, С.А. Григорьева, Б.Л. Иомдин, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, А.В. Птенцова, А.В. Санников, Е.В. Урысон. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Федотов 1992 – Г. *Федотов*. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России. СПб., 1992.
- Aron et al. 2005 – A. *Aron*, H. *Fisher*, D.J. *Mashek*, G. *Strong*, H. *Li*, L.L. *Brown*. Reward, motivation, and emotion systems associated with early-stage intense romantic love // Journal of neurophysiology. 2005. May 31.
- Calder et al. 2001 – A.J. *Calder*, A.J. *Lawrence*, A.W. *Young*. Neuropsychology of fear and loathing // Neuroscience. 2001. V. 2.
- Cocchini et al. 2001 – G. *Cocchini*, N. *Beschin*, M. *Jehkonen*. The fluff test: A simple test to assess body representation neglect // Neuropsychological rehabilitation. 2001. 11(1).
- Day 1996 – S.A. *Day*. Synaesthesia and synaesthetic metaphors // Psyche. 1996. V. 2. № 32. <http://psyche.cs.monash.edu.au/v2/psyche-2-32-day.html>
- Ekman 1984 – P. *Ekman*. Expression and the nature of emotion // Approaches to emotion. Hillsdale (N. J.), 1984.
- Ekman 1999 – P. *Ekman*. Basic emotions // T. Dalglish, M. Power (eds.). Handbook of cognition and emotion. Sussex, 1999.
- Gallese 2001 – V. *Gallese*. The «shared manifold» hypothesis: from mirror neurons to empathy // Journal of consciousness studies. 2001. V. 8. № 5–7.
- Gallup, Cameron 1992 – G.G. *Gallup*, P.A. *Cameron*. Modality specific metaphors: Is our mental machinery «colored» by a visual bias? // Metaphor and symbolic activity. 1992. 7.
- Guariglia, Antonucci 1992 – C. *Guariglia*, G. *Antonucci*. Personal and extrapersonal space: a case of neglect dissociation // Neuropsychologia. 1992. 30(11).
- Halligan, Marshall 1991 – P.W. *Halligan*, J.C. *Marshall*. Left neglect for near but not far space in man // Nature. 1991. 350.
- Iordanskaja et al. 1996 – L. *Iordanskaja*, S. *Paperno*, R.L. *Leed*. A Russian-English collocational dictionary of the human body. Columbus (Ohio), 1996.

- Konstan 2006 – *D. Konstan*. The emotions of the Ancient Greeks. Studies in Aristotle and classical literature. Toronto, 2006.
- Kövecses 1990 – *Z. Kövecses*. Emotion concepts. Frankfurt-am-Main, 1990.
- Kövecses 2000 – *Z. Kövecses*. Metaphor and emotion. Cambridge, 2000.
- Lakoff, Johnson 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980.
- LeDoux 1996 – *J. LeDoux*. The emotional brain. New York, 1996.
- Levontina, Zalizniak 2001 – *I. Levontina, Anna Zalizniak*. Human emotions viewed through Russian language // *J. Harkins, A. Wierzbicka* (eds.). Emotions in cross-linguistic perspective. Berlin, 2001.
- Manual of mental disorders 1994 – Diagnostic and statistical manual of mental disorders. Washington, DC, 1994.
- McDonald, Leary 2005 – *G. McDonald, M.R. Leary*. Why does social exclusion hurt? The relationship between social and physical pain // *Psychological Bulletin*. 2005. V. 131. № 2.
- Mel'čuk, Wanner 1996 – *I. Mel'čuk, L. Wanner*. Lexical functions and lexical inheritance for emotion lexemes in German // *L. Wanner* (ed.). Lexical functions in lexicography and natural language processing. Amsterdam, 1996.
- Oatley, Johnson-Laird 1987 – *K. Oatley, P.N. Johnson-Laird*. Towards a cognitive theory of emotions // *Cognition and emotion*. 1987. № 1.
- Öhman et al. 2001 – *A. Öhman, A. Flykt, F. Esteves*. Emotion drives attention: Detecting the snake in the grass // *Journal of experimental psychology*. 2001. 130.
- Pearn et al. 1998 – *M.A. Pearn, C. Mulrooney, T. Payne*. Ending the blame culture. Gower, 1998.
- Peele, Brodsky 1974 – *S. Peele, A. Brodsky*. Love can be an addiction: Interpersonal heroin // *Psychology today*. 1974. August issue.
- Phillips et al. 1997 – *M.L. Phillips, A.W. Young, C. Senior, M. Brammer, C. Andrew, A.J. Calder, E.T. Bullmore, D.I. Perrett, D. Rowlandk, S.C.R. Williams, J.A. Gray, A.S. David*. Aspecific neural substrate for perceiving facial expressions of disgust // *Nature*. 1997. V. 389.
- Popova 2005 – *Y. Popova*. Image schemas and verbal synaesthesia // *From perception to meaning: Image schemas in cognitive linguistics*. Berlin, 2005.
- Ramachandran, Hubbard 2001 – *V.S. Ramachandran, E.M. Hubbard*. Synaesthesia – a window into perception, thought and language // *Journal of consciousness studies*. 2001. 8.
- Robertson 2004 – *L.C. Robertson*. Space objects, minds and brains. New York, 2004.
- Rougemont 1956 – *D. de Rougemont*. Love in the western world. Princeton, 1956.
- Singer et al. 2004 – *T. Singer, B. Seymour, J. O'Doherty, H. Kaube, R. Dolan, C. Frith*. Empathy for pain involves the affective but not sensory components of pain // *Science*. 2004. V. 303. Issue 5661.
- Solomon 2004 – *R. Solomon*. In defense of sentimentality. Oxford, 2004.
- Sprengelmeyer et al. 1996 – *R. Sprengelmeyer, A.W. Young, A.J. Calder, A. Karnat, H. Lange, V. Hömberg* et al. Loss of disgust. Perception of faces and emotions in Huntington's disease // *Brain*. 1996. 119.
- Tan et al. 2008 – *L.H. Tan, A.H.D. Chan, P. Kay, P.-L. Khong, L.K.C. Yip, K.-K. Luke*. Language affects patterns of brain activation associated with perceptual decision // *The proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. V. 105. № 10.
- Wierzbicka 1990 – *A. Wierzbicka*. Dusa 'soul', toska 'yearning', sud'ba 'fate': three key concepts in Russian language and Russian culture // *Z. Saloni* (ed.). *Metody formalne v opisie jazykow slowiańskix*. Dział Wydawnictw Filii UW w Białymstoku, 1990.
- Wierzbicka 1991 – *A. Wierzbicka*. Cross-cultural pragmatics: the semantics of social interaction. Berlin, 1991.
- Wierzbicka 1992 – *A. Wierzbicka*. Semantics, culture and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. New York; Oxford, 1992.
- Wierzbicka 1997 – *A. Wierzbicka*. Understanding cultures through their key words. Oxford, 1997.
- Wierzbicka 1999 – *A. Wierzbicka*. Emotions across languages and cultures. Cambridge, 1999.
- Wierzbicka 2006 – *A. Wierzbicka*. Anglo scripts against «putting pressure» on other people and their linguistic manifestations // *Ethnopragsmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin, 2006.
- Winawer et al. 2007 – *J. Winawer, N. Witthoft, M.C. Frank, L. Wu, A.R. Wade, L. Boroditsky*. Russian blues reveal effects of language on color discrimination // *The proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2007. V. 104. № 19.